Ольга Малышкина

Тайна за семью печатями

Ольга Малышкина
Тайна за семью печатями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57339061
ISBN 9785005128263

Аннотация

На старой киноплёнке с выступлением маленького передвижного цирка в одном из приграничных посёлков накануне Великой Отечественной войны неожиданно появляются собаки из настоящего – немецкая овчарка Альма и беспородный пёс Мартин. Что заставило их использовать эликсир перемещений, изобретённый юным химиком? Что придётся испытать героям в том тяжёлом военном времени?.. И какие ещё тайны скрывает прошлое?..

Содержание

От автора 5
ПРЕДИСЛОВИЕ 6
Глава 1. Таинственное исчезновение 10
Глава 2. Двумя часами ранее 14
Глава 3. Альма начинает расследование 19
Глава 4. Странная гроза 23
Краткие комментарии для любознательных 32
Глава 5. Загадка старой киноплёнки 33
Глава 6. Брысь допрашивает Пафнутия 39
Глава 7. Загадка разъясняется 44
Глава 8. Граница 52
Глава 9. В дозоре 59
Краткие комментарии для любознательных 66
Глава 10. Воздушный бой 67
Краткие комментарии для любознательных 71
Глава 11. Первый бой 72
Краткие комментарии для любознательных 81
Глава 12. Первые потери 83
Краткие комментарии для любознательных 87
Глава 13. Цирковые 89
Краткие комментарии для любознательных 94
Глава 14. Раненый 95
Конец ознакомительного фрагмента. 103

Тайна за семью печатями

Ольга Малышкина

© Ольга Малышкина, 2020

ISBN 978-5-0051-2826-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Или…
НОВЫЕ НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БРЫСЯ И ЕГО ДРУЗЕЙ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Приключения котёнка Брыся.

Брысь, или Кот Его Высочества.

Брысь, или Один за всех и все за одного.

Брысь, или Приключения одного м. н. с.

Брысь, или Тайны Царского Села.

Мифические эксперименты, или… Новые невероятные приключения Брыся и его друзей

Легенды Земли Московской, или… Новые невероятные приключения Брыся и его друзей

От автора

Эта книга посвящена тем, кто приближал Победу в Великой Отечественной войне, часто ценой собственной жизни. Среди них – и братья наши меньшие.

Сюжет является художественным вымыслом, но многие военные эпизоды основаны на реальных событиях, почерпнутых мной в воспоминаниях фронтовиков и просто людей, переживших страшную войну…

За консультации в «цирковой» линии сюжета и предоставленный бесценный материал выражаю особую благодарность Папазову Леону Ивановичу из знаменитой династии воздушных гимнастов и Павлову Валерию Алексеевичу, заведующему Музеем истории цирка.

Книга является продолжением серии о невероятных приключениях Брыся и его друзей в пространстве и времени.

Для новых читателей есть подробное предисловие.

Ольга Малышкина

ПРЕДИСЛОВИЕ

для тех, кто не знаком с главными героями

Брысь (второе имя Ван Дейк) – петербургский кот с богатой биографией, искатель приключений, полиглот, грамотей, обладатель изысканных манер и ошейника, сплетённого из золотистых шёлковых нитей немецкой принцессой Марией Гессенской, когда она была невестой, а он – Котом Его Высочества, наследника российского престола, будущего императора Александра Второго. От сотрудниц Эрмитажа получил кличку Ван Дейк в честь фламандского художника XVII века. Кот очень гордится новым именем, но друзья «за глаза» называют его по-старому – Брысь.

Савельич – пожилой чёрный кот из Летнего сада, философ, книгочей, друг и наставник Брыся.

Рыжий – пушистый кот, попавший в наше время из XIX века; успел, как и Брысь, «поработать» эрмитажным котом – эрмиком.

Мартин – молодой пёс крупных размеров, неизвестной породы.

Все четверо с недавних пор – питомцы мальчика Саши, второклассника из города Пушкина, бывшего Царского Села.

Пафнутий – самый необычный член команды Брыся – белая крыса (точнее, был белым, пока не повадился разукра-

шивать себя зелёнкой), питомец Вовы Менделеева (юного химика и изобретателя эликсира перемещений во времени, а также друга, одноклассника и соседа мальчика Саши). Пафнутий обожает искать, вернее – находить клады; считает себя м. н. с. (младшим научным сотрудником Вовкиной «химической лаборатории»); уверен, что среди его предков были не только отважные корабельные крысы, но и зайцы – именно по этой причине он такой белоснежный; в свободное время любит распевать песни, хотя не имеет ни слуха, ни голоса; утверждает, что у него два образования: химическое (потому что пробует Вовкины эликсиры) и экономическое (потому что любит смотреть по телевизору новости про экономику), и вообще гордится тем, что крысы – «твари с интеллектом». Впрочем, кое-кто (а именно Савельич) считает Пафнутия «никчёмным балластом» из-за его невероятной способности падать в обморок в самый ответственный момент.

Альма – немецкая овчарка, с которой Брысь и его друзья познакомились во время своих «московских» приключений; питомица и напарница следователя – капитана полиции Петрова Сергея Анатольевича.

Граф Брюс Яков Вилимович – в данное время всего лишь призрак, а во времена царя Петра I кем только не был: и сенатором, и дипломатом, и фельдмаршалом, и гениальным механиком, и астрономом, и физиком, и алхимиком, а также, по мнению некоторых малообразованных граждан, колдуном и магом, обладателем Чёрной Книги, куда записывал

свои таинственные формулы… В память о прошлом любит, чтобы его величали «Ваше Сиятельство». Жил бы себе призрак никем не замеченным, если бы не удивительные способности Брыся и его друзей, которыми они обзавелись в загадочном электромагнитном излучении на борту подопытного эсминца «Элдридж», а именно: умение переговариваться с помощью телепатии, быстрое заживление любых ран и даже возможность общаться с призраком знаменитого графа.

Луна – ночное светило, давняя приятельница Брыся, часто является ему во сне, чтобы побеседовать или предупредить о чём-нибудь этаком.

Эликсир перемещения – изобретение Вовки Менделеева, главными ингредиентами являются фруктовые сиропы и йогурты. Для хранения волшебной жидкости юный химик использует пузырьки из-под валерьянки. Действует только на животных. Инструкция по применению: накапать эликсир на фотографию или страницу книги, куда задумал переместиться, слизнуть – и, вуаля, окажешься именно там. Если не жадничать и использовать разумное количество, то в прошлом проведёшь не более двух-трёх недель и вернёшься в настоящее почти в тот же момент времени, словно и не пропадал.

Возвращатель – ещё одно Вовкино изобретение, с помощью которого можно вернуть путешественника во времени раньше, чем у него закончится действие перемещателя. НО: накапать его нужно именно туда, где остались следы исполь-

зованного эликсира.

Глава 1. Таинственное исчезновение

«Что?! Думаете, опять я виноват?! Как только кто-то, куда-то, так сразу Я?!!! – Пафнутий взволнованно носился по клетке. В данный момент она вовсе не казалась ему шикарной. Даже любимое колесо, на котором он спасался от лишних граммов, вызывало сейчас не радость и гордость, а досаду, так как занимало место, необходимое для тревожного метания по „апартаментам“. – Ни дня покоя! Ни минуты отдыха!»

Пафнутий резко затормозил, поднялся на задние лапки, а передними прижал кончик хвоста к глазам, словно вытирал слёзы. Остановка случилась (чистое совпадение!) перед зеркалом, и «м.н.с.» украдкой кинул взгляд на своё отражение – уж больно красивое сочетание цветов получилось: изумрудный хвост на голубовато-зеленоватой щеке и глазки рубиновые… Немножко полюбовавшись на плоды упорной борьбы с Вовкиной мамой за сохранение необычной окраски, на которое он периодически тратил содержимое бутылочек с «Бриллиантовым зелёным», питомец юного химика устремился в новый забег по клетке.

«И ведь когда поумнеть успел?! То лопух лопухом, а то на тебе – всех перехитрил!!! Даже меня!!!» – Пафнутий по-

косился вокруг, не подслушивает ли кто-нибудь его мысли.

– Даже Брыся! То есть Ван Дейка, – громко добавил он.

Предосторожность, впрочем, была излишней. Никто причитания «м.н.с.» не подслушивал. Хотя в квартире на первом этаже в соседнем подъезде, где проживали друзья, и царило молчание, вызвано оно было отнюдь не стремлением использовать телепатические способности и узнать думы разукрашенного зелёнкой грызуна. И уж тем более никто не обвинял его в случившемся. Много чести! Вопрос заключался не в том, как их приятель завладел эликсиром перемещений и помогал ли ему в этом Пафнутий. Вопрос заключался в том, как простодушному псу удалось скрыть свои планы от них – котов с поразительным чутьём, искушённых путешественников во времени и пространстве! Даже не верилось, что речь идёт о том самом Мартине, который не сумел освоить алфавит, не говоря о том, чтобы научиться читать!

Ни фотографии, ни книги, ни листочка журнального, на которые пёс мог бы накапать волшебную жидкость с целью перемещения в определённое место и время, в квартире они не нашли. Но ведь исчезнуть так быстро и бесследно можно было только с помощью изобретения Вовки Менделеева! Скоро домашние придут – кто будет слюнявить их в прихожей и прыгать до потолка?!

– Если бы его сиятельство, господин бывший фельдмаршал, находился здесь, а не путешествовал по местам своей боевой славы, я бы подумал, что это он надоумил нашего ло-

пуха вернуться в прошлое и всё-таки добыть ему Книгу, – проворчал Брысь.

– А я знаю, почему Мартин так тщательно замёл следы, – грустно заявил Рыжий.

– И я знаю, – буркнул искатель приключений, – чтобы мы не смогли использовать возвращатель.

Савельич, оправдывая своё звание философа, глубокомысленно изрёк:

– Пропал наш недотёпа…

Брысь хмуро покосился на настенные часы – стрелки неумолимо шагали от цифры к цифре, всё дальше отодвигая момент исчезновения Мартина. И если бы там, в неизвестном прошлом, куда так спешно отправился благородный пёс, всё прошло гладко, то он давно бы уже сидел рядом с ними и рассказывал о своих приключениях, моргая добрыми карими глазами…

«Беда! С ним случилась беда!» – Пафнутий устал бегать по клетке и в изнеможении рухнул в сантехнический лоток с опилками. Однако в следующее мгновение он снова подскочил: нужно позвать Альму! Она тоже собака, как пропавший Мартин! Пусть она и не обладает такими удивительными способностями, как любой из членов их команды (между прочим, это его, Пафнутия, личная заслуга; если бы он не… ну ладно, сейчас не об этом…) *, но вот нюх у неё самый лучший в мире – собачий… Пафнутий прижал лапки к зеленоватым вискам и принялся усердно «телепатировать» свою

идею котам из соседнего подъезда.

*Книга «Мифические эксперименты, или… Новые невероятные приключения Брыся и его друзей».

– Нам нужна Альма! – заявил Брысь, который и сам пришёл к точно такому выводу, что и «м.н.с.». Впрочем, Пафнутий не поверил бы, что тут обошлось без его подсказки…

Глава 2. Двумя часами ранее

Мартин лежал в одиночестве на полу в гостиной и переживал неудачи утренней прогулки. Их было две. Во-первых, ротвейлер из соседнего подъезда, с которым он давно мечтал помериться силой, на улицу не вышел. А короткие розыскные мероприятия, хотя и были проведены на скорую лапу (чтобы не слишком сильно натягивать поводок и не тащить за собой маленького хозяина), однозначно указали на то, что соперника ещё накануне вечером усадили в машину и увезли. Что поделать, лето, у многих Людей отпуск, который они предпочитают проводить вне своих квартир, но со своими питомцами…

Второй, и самый главный, повод для переживаний – он не повидался с Альмой. Их совместные прогулки стали доброй традицией (и не только потому, что взаимная симпатия питомцев не укрылась от глаз хозяев, но и потому, что здесь находился чудесный пустырь – гуляй не хочу). Правда, традиция частенько нарушалась, так как Альма была не простой домашней собакой, а «служебной» и часто помогала своему хозяину, следователю капитану Петрову, в поиске улик и преступников.

Было и третье, что мучило благородного пса. Вчера, когда он вместе с Сашей заходил к Менделеевым, Пафнутий передал ему склянку с результатами последних Вовкиных опы-

тов. Нюх «главного эксперта по эликсирам» тут же определил, что жидкость в пузырьке обладает перемещательными свойствами, причём улучшенными, которые и на неживую материю воздействуют (что проверили на себе коты в их совместном предыдущем приключении*).

*Книга «Легенды Земли Московской, или… Новые невероятные приключения Брыся и его друзей».

Посоветовавшись, Мартин и Пафнутий решили бутылочку уничтожить. Оба боялись, что неугомонный Брысь опять втянет их в какое-нибудь опасное предприятие и разлучит с любимыми хозяевами.

Избавиться от «вредного» пузырька, и как можно скорее, должен был Мартин, потому что «м.н.с.» честно признался, что не сможет соврать Брысю, если тот спросит, не пополнилась ли Вовкина обувная коробка новым экспериментальным образцом.

– Уж очень он на меня телепатически воздействует, – со вздохом добавил в своё оправдание Пафнутий.

Мартин пообещал, что закопает склянку на пустыре, однако слова своего не сдержал, хотя имел много возможностей провести эту нехитрую операцию. Он вдруг подумал, что нет никакого смысла прятать один конкретный пузырёк, если под Вовкиной кроватью стоит целая коробка таких бутылочек. И даже если предположить, что юному химику удались не все эксперименты, по теории вероятности один-два перемещателя среди них точно есть. А ещё он подумал, ка-

ким прекрасным подарком, например на Новый год, мог бы стать этот пузырёк для их общего друга – авантюриста и мечтателя. Пёс представил, как вспыхивают янтарным блеском глаза Брыся, как тот виснет на его могучей шее и как потом всю ночь мурчит ему в ухо, поскольку продолжает спать на жёсткой собачьей подстилке, игнорируя свою мягкую кошачью корзинку. К тому же Вовка Менделеев всё реже проводил химические опыты, неожиданно увлёкшись астрономией – к большой радости родителей, которые сразу купили начинающему звездочёту телескоп.

– Чувствую, не обошлось тут без нашего графа. Скучно ему было без труб своих зрительных, вот он и оказал на Вовку телепатическое воздействие, – высказал подозрение «м.н.с.», хотя в душе (очень-очень глубоко, чтобы проницательные коты не подняли его на смех) раздумывал, не приписать ли к своим двум образованиям, химическому и экономическому, третье – астрономическое. А к званию Вовкиного научного сотрудника (увы, из-за принципиальности Брыся всё ещё «младшего») добавить почётное – «астронавт». А что?! На Марсе он уже побывал, в отличие от Вовки*.

*Книга «Мифические эксперименты, или… Новые невероятные приключения Брыся и его друзей».

С учётом всех обстоятельств бутылочка с перемещателем приобрела дополнительную ценность, а потому Мартин и тянул с выполнением обещания. Пузырёк же пока спрятал

в «тайник» в гостиной – щель между стеной и ножкой дивана…

От размышлений Мартина отвлёк работающий телевизор (мама Лина любила поглядывать в него, когда наводила в квартире порядок, и иногда забывала выключать, а может, специально оставляла, чтобы питомцы не скучали в отсутствие хозяев и расширяли свой кругозор). На чёрно-белых кадрах, похожих на старую хронику, шло цирковое представление. Симпатичная девушка командовала двумя королевскими пуделями и двумя котами. Номер был простеньким, подопечные юной дрессировщицы Мартина не впечатлили, да и само представление проходило не в настоящем цирке, а… в какой-то палатке. Вот набившиеся туда зрители вызывали гораздо больше интереса – среди них было много военных. Некоторые со своими семьями – жёнами и детьми, а один… с собакой. Неизвестный оператор взял её крупным планом: с любопытством и явно выраженным чувством превосходства и недоумения (мол, это всё, на что вы способны?!) на «арену» взирала молодая немецкая овчарка.

– Альма? – оторопел Мартин. И тут же засомневался – откуда бы ей взяться на кадрах старой хроники?!

Собака вдруг повернула голову и посмотрела прямо в объектив.

– Альма! – Мартин узнал бы свою подругу из тысячи, из миллиона немецких овчарок.

Кинокамера снова сместилась. Заскользила по зрителям,

увлечённо следившим за представлением; выхватывала восторженные детские лица, хлопающие ладошки… Люди были веселы и расслаблены. Что никак не вязалось с грустной интонацией голоса за кадром. Мартин вслушался в то, что говорил диктор, и мгновенно принял решение…

Глава 3. Альма начинает расследование

Альма появилась не одна. Её сопровождал хозяин, капитан полиции Сергей Анатольевич Петров, которого, пользуясь дружескими отношениями, вызвали Сашины родители.

– Снова похищение? – удивился следователь, когда услышал в телефонной трубке встревоженные голоса.

Однако поведение любимой питомицы – верной напарницы и помощницы в нелёгком сыщицком деле – развеяло первоначальную версию. Из всех предметов в квартире, откуда таинственным образом пропал гигантский пёс, Альму заинтересовал лишь один – телевизор в гостиной. И это поставило в тупик не только Сашино семейство, но и опытного детектива, и искушённых в перемещениях по времени и пространству котов.

– Ты на что намекаешь? Что наш Мартин там?! – поражённо воскликнул Брысь, когда «сыщица» закончила свои изыскания.

– Он вылил Вовкин эликсир на экран, а потом облизал его, – разъяснила Альма. – Разве вы не чувствуете запаха валерьянки?

Коты с уважением посмотрели на большой нос овчарки и принюхались. А ведь действительно по гостиной витает

слабый аромат любимого кошачьего зелья! Но, видимо, они так часто имели дело с изобретениями Вовки Менделеева, что не обратили на запах внимания!

Люди разглядывали телевизор, словно видели его впервые и не понимали предназначения плоского ящика. При этом капитан Петров силился перевести на человеческий язык знаки, которые подавала ему Альма отрывистым лаем и выражением умных глаз, но ничего путного у него не выходило. А выходило нечто совершенно странное – будто бы питомица уверяла, что пёс исчез в недрах прибора, казавшегося до этого момента привычным и безобидным. Теперь же (Сергей Анатольевич непроизвольно сделал шаг назад) чёрная матовая поверхность экрана не внушала доверия и выглядела таинственно и даже пугающе.

– А что это за следы, как будто телевизор протёрли мокрой тряпкой? – он присмотрелся к экрану.

– Кошмар! – воскликнула мама Лина и бросилась на кухню, где в специальном шкафчике хранились средства по уходу за мебелью и прочими предметами быта. Вернулась она с куском чистой сухой замши и аэрозолем для мытья стёкол и быстро привела поверхность экрана в идеальный порядок.

Уничтожение главной улики произошло столь стремительно, что следователь успел сказать только: «А м…»

Что означало это «ам», присутствующие узнали через секунду, когда Сергей Анатольевич – после некоторой заминки, вызванной необходимостью слегка изменить начатую

фразу, – договорил её:

– …м-может, это… *были* следы эликсира перемещений?

Невероятные события в московских подземельях, свидетелем которых стал капитан Петров и в результате которых в его семье появилась ещё одна маленькая дочка, родом из далёкого прошлого (о последнем он, впрочем, никому не рассказывал, и окружающие считали, что семья Сергея Анатольевича удочерила малышку из детского дома), вынудили следователя пересмотреть его первоначальное скептическое отношение к изобретениям Вовы Менделеева и поверить в возможность перемещения во времени и пространстве*.

*Книга «Легенды Земли Московской, или Новые невероятные приключения Брыся и его друзей».

– Теперь мы точно не сможем вернуть Мартина с помощью возвращателя, – вздохнул Рыжий.

– Он и так был бесполезен, – «утешил» его Савельич. – Ведь в телевизоре куча каналов и по каждому идёт куча передач. Мы даже не сможем узнать, куда именно отправился Мартин.

У Альмы похолодело внутри. Беспечная уверенность, что дорогой её сердцу гигант объявится с минуты на минуту, улетучилась. А тревога, которую излучали коты, наоборот, охватывала «сыщицу» всё больше и в конце концов накрыла её с головой.

– Перестань дрожать! Наш Брысь обязательно что-нибудь

придумает, – постарался ободрить её Рыжий.

Альма благодарно вильнула хвостом. Как бы она хотела оказаться сейчас рядом с Мартином! Лучше вместе преодолевать опасность, чем трястись от страха неизвестности.

– Пульт! – вдруг завопил Брысь. Да так громко, что люди подумали, будто кто-то из них наступил коту на хвост, а впечатлительный «м.н.с.», который уже полчаса прислушивался к тому, что происходит в Сашиной квартире и как продвигается расследование, рухнул в обморок.

– Точно. Телевизор будет работать на том канале, на котором был выключен, – Савельич одобрительно пошевелил длинными усами.

Пульт лежал не на привычном месте – журнальном столике возле дивана, а на полу. Он тоже хранил запах исчезнувшего Мартина. Словно пёс, умышленно или случайно, наступил на дистанционное устройство. Альма осторожно взяла его в зубы и уселась перед хозяином.

– Ты хочешь, чтобы я включил телевизор? – догадался Сергей Анатольевич и нажал ON.

На экране замелькали картинки старой военной хроники.

– Сегодня 22 июня, – вспомнил Саша, – сегодня большинство передач про Великую Отечественную войну…

Глава 4. Странная гроза

Где-то неподалёку рокотала гроза, моргая молниями. Отсветы от них проникали сквозь ткань палатки и вызывали беспокойство у животных: двух пуделей с экзотическими кличками Ювенталий и Галентин и двух котов с не менее причудливыми именами – Альфред и Роланд. В обиходе просто Юв, Гал, Альф и Рол – цирковые артисты, любимцы публики, покорители всех сердец без разбору. А всё потому, что умницы и красавцы каких поискать!

Юв и Гал были не просто из одного помёта, но братья-близнецы – два ослепительно-белых королевских пуделя. Альф и Рол в родстве не состояли, но тоже походили друг на друга, как вышеупомянутая парочка. Только не белоснежные и аккуратно стриженные под царя зверей, а лохматые и угольно-чёрные. Их номер так и назывался – «Белое и чёрное». Альф и Рол символизировали тьму, предрассудки, невежество и прочие гадости, а Юв и Гал несли миру добро, радость, знания и победу над злом.

Борьба белого с чёрным обычно протекала с явным перевесом последнего, поскольку коты выступали в роли наездников и большую часть номера галопировали на пуделях, показывая разные трюки. Например, менялись «скакунами», ловко перепрыгивая с одного на другого прямо на ходу.

Лишь в самом конце Юв и Гал гордо поднимались на зад-

ние лапы, демонстративно скидывая с себя «путы зла» в облике своих лучших приятелей. Те картинно падали и «в страшном испуге», то есть истошно мяукая, уносились за кулисы. Пудели под громкие аплодисменты ещё какое-то время кружились в победном вальсе, затем на арену выползали пристыженные «предрассудки и гадости» и снова вскакивали на «добро и знания», но уже в роли перевоспитавшихся – причёсанные и с белыми бантами на шейках. Аплодисменты становились бурными. Под них вся четвёрка исчезала за форгангом (занавесом, отделяющим в цирке манеж от закулисья, от немецкого Vorgang. – О.М.). На манеже оставалась дрессировщица Виолетта в эффектном, усыпанном блёстками наряде: блузке с пышными рукавами и заправленными в высокие сапожки галифе. Костюм был цвета пуделей, а сапожки – чёрными, как Альф и Рол.

В обычной жизни девушку звали Валентиной. И сегодня, 22 июня 1941 года, ей исполнялось восемнадцать лет. А поскольку природа уже одарила Валю красивой фигурой, густыми светло-каштановыми кудряшками (которые она коротко стригла) и большими карими глазами – в каждом по озорному чёртику, то после исполнения номера ей доставались не только аплодисменты, но и цветы, и даже записки с предложениями руки и сердца.

– Ну вот, а говорили, кузнечики сверчат – к хорошей погоде, – щуря спросонья голубые (в маму) глаза, проворчал Валин младший брат Андрюшка.

Ему недавно стукнуло десять, и он страшно гордился тем, что, как и сестра, родился «в опилках». То есть с младенчества принадлежал цирку и другого существования для себя не мыслил, а мыслил себя великим дрессировщиком, выражаясь по-цирковому – воспитателем животных. Конечно, воспитывать он собирался не таких безобидных зверюшек, как Валькины подопечные, а львов, тигров, пантер и… ещё кого-нибудь, кто позубастее, тем более что надеялся вырасти таким же богатырём, как папа. И псевдоним мальчик хотел выбрать звучный – Арчибальд или Леопольд… Пока же он был просто Андрюшкой и универсальным ассистентом – помогал всем во всём.

В приграничном посёлке, куда накануне приехал их маленький цирк, помимо комендатуры (единственного каменного здания, не считая церкви), и как следствие – множества пограничников в зелёных фуражках, располагалась школа служебного собаководства. «Курсантами» были в основном немецкие овчарки. Андрюшке не доводилось раньше видеть такое количество умных собачьих глаз. До начала представления он успел понаблюдать за занятиями: собаки бегали по брёвнам, карабкались по лестницам, перепрыгивали через высокие барьеры, ползали по-пластунски, но особенно Андрюшке понравилось, как они проводили задержание «нарушителя границы» – мчались прямо на него, не издавая ни звука, и с разбега опрокидывали на спину. И хотя исполнявший роль «нарушителя» был одет в специальный толстый

тулуп и такие же толстые штаны, Андрюшка ему не завидовал. А завидовал пограничникам, которые вместе со своими питомцами охраняли покой страны от врагов.

В Европе шла война, и страницы газет, которые папа, дядя Володя или дедушка всегда читали вслух, каждый день сообщали о том, что происходило на фронтах, какая ещё страна уступила натиску гитлеровских войск. Кинофильмы тоже начинались с документальной хроники; самой интересной, конечно же, была та, что про войну. Андрюшка, замирая и покрываясь мурашками, смотрел, как с самолётов на мирные города сыпались бомбы. Он пока не очень понимал, кто, против кого и зачем воюет, но, как и почти всякий мальчишка, думал не о жертвах и разрушениях, а о том, каким бы героем он себя показал и всех спас.

– На земле, в небесах и на море наш напев и могуч, и суров, – шёпотом запел Андрюшка популярную песню, слегка вздрагивая от раскатов грома.

Если завтра война,
Если завтра в поход —
Будь сегодня к походу готов!

Полетит самолёт, застрочит пулемёт,
Загрохочут могучие танки,
И линкоры пойдут, и пехота пойдёт,
И помчатся лихие тачанки…

– Ш-ш-ш, – сонно пробормотала сестра, погладила прижавшихся к ней, взволнованных грозой питомцев и крепче обняла Андрюшку, – народ разбудишь.

«Народ» спал по-походному – на уложенных рядом матрасах – и состоял из их родителей – Леонида и Тамары; маминого брата – дяди Володи (для арены – Вольдемара) и дедушки – папиного папы, на афишах значившегося Артуром Бенедиктовичем Масличным. Каждый из них владел несколькими цирковыми специальностями. Например, папа Леонид был силовым акробатом, удерживая на своих плечах внушительную пирамиду: своего шурина, жену и сына, а также с лёгкостью жонглировал тяжеленными гирями и поднимал на бис двухместную скамью с сидящими на ней взрослыми зрителями. Мама, помимо акробатики, изящно и ловко ходила по канату и ассистировала брату, который в дополнение к акробатическим этюдам развлекал публику фокусами и метанием ножей. Дедушка тоже выполнял несколько функций: был и режиссёром, и администратором, и автором интермедий, и шпрехшталмейстером (так называется в цирке тот, кто ведёт представление, от немецкого Sprechstallmeister. – О.М.), и ковёрным. А потому в число его достоинств входило умение быстро переодеваться и превращаться из элегантного ведущего в чёрном фраке с манишкой – в клоуна в разноцветных одёжках, растрёпанном рыжем парике, с накладным носом и яркими пятнами на щеках. Так что к концу представления лицо шпрехшталмейсте-

ра выглядело гораздо более красным, чем в начале (в спешке плохо отмывались румяна).

Их семейный цирк – цирк Масличных – собирался вместе лишь на лето (в остальные три времени года все работали по контракту в каком-нибудь шапито) и колесил на стареньком грузовике (водителем которого был дядя Володя) от села к селу, от деревни к деревне, заезжая туда, куда не заглядывали труппы побольше и посолидней. Выступали где придётся, в зависимости от обстоятельств: то на сцене Дома культуры, то в зале бывшего барского особняка, то в большой армейской палатке, как вчера, например.

Был в их цирке ещё Аслан, настоящий джигит. Черкес по национальности, не связанный ни с кем из них родственными узами, он спокойно относился к тому, что на летнее время становился Масличным. Аслан обычно следовал рядом с грузовиком (а чаще впереди, так как его иноходцу-скакуну преодолевать сельское бездорожье было проще, чем представителю технического прогресса). И спал он на открытом воздухе, чтобы не расставаться со своим жеребцом Бахтаром. Аслан был настоящим украшением труппы. Тёмно-русый и синеглазый, как большинство представителей его народа, он всегда (уже на улице) завершал представление, сначала пуская Бахтара красивой иноходью, а затем демонстрируя восхищённой публике невероятную джигитовку: на полном скаку с завязанными глазами пролезал под брюхом жеребца; вертелся, словно винт самолёта, вокруг его

шеи; лёжа животом на седле, делал полный оборот сначала по часовой, а потом против часовой стрелки. Но верхом шика был номер с хрустальными бокалами: Аслан выпрямлялся в полный рост на спине Бахтара, разводил руки в стороны, держа по бокалу, наполненному до самых краёв подкрашенной водой (чтобы зрители лучше видели, что они не пустые), и так галопировал круг за кругом на мчавшемся как ветер жеребце, не проливая ни капли!

Андрюшка подозревал, что сестра по уши влюблена в красавца-горца, а вот питает ли тот ответные чувства, догадаться было сложно. Если только предположить, что маленькие букетики полевых цветов, которые каждое утро появлялись у входа в палатку, адресовались именно Вальке, а собирал цветы именно Аслан…

Андрюшка зажмурился покрепче, стараясь вернуть прерванный грозой сон, но тот уже успел улетучиться. Мальчик немного покрутился под рукой сестры и, чтобы не прислушиваться к раскатам, которые становились всё ближе и звучали всё грознее, стал вспоминать вчерашнее представление и забавный случай, который произошёл под самый конец Валькиного номера. Зрителями, как и следовало полагать, были в основном пограничники. Офицеры пришли с семьями, а один почему-то со своей собакой. Чтобы никому не мешать, он расположился на самом краю скамьи около входа в армейскую палатку, выделенную руководством комендатуры специально для выступления цирка. Его овчар-

ка с интересом уставилась на «арену». Неожиданно рядом с ней возник огромный беспородный пёс. Откуда он взялся, Андрюшка не понял, хотя как раз подглядывал за зрителями из-за бархатной занавески (когда-то бывшей скатертью, но уже несколько лет выполнявшей роль форганга), ему хотелось посмотреть, нравится ли серьёзным пограничникам цирковое представление. Овчарка словно ждала появления пса и тут же рванулась к нему. Военный, державший её за ошейник, не ожидал толчка и с грохотом свалился со скамейки. Шум напугал котов, Альфа и Рола, которые в тот момент галопировали каждый на своём пуделе, и они изо всех кошачьих сил вцепились в них когтями. Юв и Гал завизжали, оглушив зрителей, сидевших в первых рядах, и рассмешив всех остальных. Не смешно было разве что Валентине, так как она оказалась не готова к чрезвычайной ситуации и не знала, как вернуть номер в привычное русло. Положение спас дедушка, выудив из своего необъятного списка клоунских штучек несколько подходящих случаю шуток и прибауток. Даже Андрюшка заслушался и не увидел, куда делись собаки, вызвавшие такой переполох. Хорошо, что дядя Володя за пару месяцев до этого увлёкся съёмками на кинокамеру и фиксировал всё происходящее во время их представлений, кроме собственных номеров, разумеется. Чтобы восполнить этот пробел, он обещал научить десятилетнего племянника пользоваться камерой, но пока слишком дорожил ею и никому не доверял.

Андрюшкина мама приподняла голову, прислушалась к громовым раскатам и тоже обняла сына, так что ему стало жарко и неуютно под сплетением маминых и сестринских рук. Ещё и папа проснулся – небось вспомнил, что его отпрыск боится грозы. Хотя тот уже давно ничего не боялся. Разве что чуть-чуть опасался, что молния подожжёт палатку, когда все будут спать…

– Пусть бы мимо прошла, а то расквасит дорогу, не проедем, – озабоченно отозвался из своего угла Артур Бенедиктович и взглянул на часы (Андрюшка мечтал о таких же, «командирских»: на широком кожаном ремешке, с блестящим стальным корпусом и секундной стрелкой). – Половина пятого.

– Странная гроза, – подал голос Андрюшкин папа, – аж земля вздрагивает. И гул какой-то…

В палатку заглянул Аслан. «Наверное, услышал, что никто не спит и хочет Вальку с днём рождения поздравить!» – решил Андрюшка и открыл рот, чтобы опередить джигита и показать сестре, что он тоже помнит, какое сегодня число.

– Кажется, началась война, – немного растерянно произнёс Аслан…

Краткие комментарии для любознательных

Из оперативной сводки Генерального штаба Красной Армии №01

на 10 ч 00 мин 22 июня 1941 г.

В 04.00 22 июня 1941 г. немцы без всякого повода совершили налёт на наши аэродромы и города и перешли границу наземными войсками…

Первые советские любительские кинокамеры «Пионер» появились в январе 1941 года. Их производство было прервано начавшейся Великой Отечественной войной и возобновлено в 1948 году.

Глава 5. Загадка старой киноплёнки

Сергей Анатольевич почувствовал, что все снова смотрят на него, рассчитывая, видимо, что его опыт детектива поможет разобраться с запутанной ситуацией.

– Гхм, – кашлянул он. – Для начала следует установить, когда исчез Мартин.

Про себя он, правда, подумал, что знание точного времени вряд ли облегчит задачу, но с чего-то начинать нужно. Не стоять же с растерянным выражением на лице перед восьмилетним мальчиком, его родителями и тремя котами! Да и перед своей питомицей неудобно. Тем более что она явно знает об этом непонятном происшествии больше, чем он.

Оказалось, что точного времени никто назвать не может, так как исчезновение Мартина случилось, когда ни Саши, ни взрослых членов семейства не было дома. Поэтому установить удалось лишь промежуток, в течение которого могло произойти похищение, ну или… перемещение. Промежуток был довольно длинным, около двух часов. И поскольку Альма не отходила от телевизора, всячески намекая, что не обошлось в этом загадочном деле без магии «голубого экрана», капитан Петров предложил посмотреть по программе, какие именно передачи шли по включившемуся пультом каналу,

затем найти их по компьютеру в записи, а дальше…

Что делать дальше, следователь Петров не знал. Точнее, знал лишь принцип действия изобретённого Вовкой Менделеевым эликсира. Некоторое время тому назад Саша, в качестве доказательства гениальности своего друга, упросил Сергея Анатольевича прочитать книгу, которая занимала самое почётное место в домашней библиотеке, – роман Александра Дюма «Три мушкетёра». Прочитанное, надо сказать, потрясло капитана Петрова едва ли не больше событий в московских подземельях. Более того – на какой-то миг он даже пожалел, что не родился котом или собакой и не может воспользоваться перемещателем, чтобы поучаствовать в приключениях любимых с детства героев. Юный химик уверял, что его эликсир не действует на людей. Хотя… переместилась же приёмная дочка Сергея Анатольевича из прошлого в настоящее?..* Видимо, для этого нужны какие-то условия, неизвестные даже самому изобретателю…

*Книга «Легенды Земли Московской, или Новые невероятные приключения Брыся и его друзей».

Следователь Петров и Саша с родителями отправились в детскую, чтобы искать телевизионные передачи в записи по компьютеру. Можно было бы воспользоваться ноутбуком главы семейства, Николая Павловича, но у Сашиного компьютера был удобный большой монитор. Рыжий и Савельич всех опередили и, запрыгнув на письменный стол, подгоняли людей нетерпеливым мяуканьем. Альма хотела было по-

следовать за остальными, но её остановил задумчивый вид Брыся, который остался неподвижно сидеть в гостиной перед телевизором и только взгляд его, внимательный и цепкий, скользил по окружающим предметам.

– Нужно найти пузырёк. Скорее всего, он просто закатил его под диван, после того как воспользовался эликсиром. – Брысь ещё договаривал свою мысль, а «сыщица» уже извлекла склянку, она действительно оказалась именно там, где и предположил проницательный кот.

– Пустая?! Вот ведь… – у Брыся чуть было не вырвалось «лопух», но он пожалел чувства Альмы. – Нужно срочно допросить Пафнутия и узнать, сколько перемещателя было в бутылочке! Если полная, то…

Чтобы не огорчать раньше времени подругу Мартина и не расстраиваться самому, Брысь не стал продолжать рассуждения. Вдруг «м.н.с.» опровергнет его страхи и сообщит, что эликсира было на донышке. Впрочем, нет… Это ещё страшнее. Тогда столь долгое отсутствие Мартина будет означать только одно – беду. А вот если глупый пёс вылакал весь пузырёк, то есть надежда, что он задержался в прошлом именно по этой причине. Ведь раньше никто из них не использовал столько эликсира, а потому и возвращение в настоящее происходило так быстро, что хозяева даже заметить их отсутствие не успевали. Конечно, кроме того случая, когда в действие перемещателя вмешалось таинственное электромагнитное излучение…*

*Книга «Мифические эксперименты, или… Новые невероятные приключения Брыся и его друзей».

– Идите скорее сюда! – раздался вопль из детской. Принадлежал он Саше и был адресован Брысю и Альме.

– Нашли передачу? – взволнованно поинтересовался Брысь у приятелей, примчавшись на зов.

– Нашли Альму с Мартином! – огорошили ответом Рыжий и Савельич.

Альма вытаращила глаза, впрочем, как и Брысь. Да и все, кто был в комнате, имели одинаково потрясённый вид.

– Смотрите! – воскликнул Саша и нажал на воспроизведение обнаруженной записи.

– И слушайте, – всхлипнула мама Лина и, взяв Брыся на руки, уткнулась лицом в его густую мягкую шерсть, словно намеревалась использовать кота вместо носового платка, чтобы утирать слёзы.

Закадровый голос звучал торжественно и печально: «… Совсем недавно к поисковикам попала чудом сохранившаяся плёнка, сделанная неизвестным кинооператором прямо накануне войны в одном из приграничных посёлков во время выступления маленького передвижного цирка. Вглядитесь в эти счастливые лица взрослых и детей, как бурно аплодируют зрители юной дрессировщице. Кажется, что номер нравится даже этой красивой овчарке, пришедшей на представление вместе со своим хозяином-пограничником…»

В кадре крупным планом показалась собака, ужасно по-

хожая на Альму. Да что там похожая! Это и была она! Вне всяких сомнений. В своём собственном ошейнике с золотистыми звёздочками-заклёпками! Рыжий и Савельич, хотя и смотрели запись по второму разу, опять вытаращили глаза; Альма при виде себя самой на экране буквально остолбенела; все остальные снова громко ахнули, а мама Лина ещё и вскрикнула, поскольку Брысь от волнения выпустил когти и впился ей в руку.

Вдруг картинка задёргалась, словно оператор не знал, что снимать: или зрителей, или то, что выделывали на манеже два пуделя и два кота – подопечные симпатичной дрессировщицы, или внезапную суматоху у выхода из армейской палатки, исполнявшей роль циркового шатра. Суматоха была вызвана появлением рядом с овчаркой здоровенного пса. Камера задержалась на нём буквально на миг и снова перескочила на «арену», где теперь тоже происходила какая-то весёлая сумятица, но и этого мгновения хватило, чтобы все, кто не отрывал взгляда от монитора, узнали в огромной дворняге – Мартина.

Голос за кадром между тем продолжал: «…Эти смеющиеся люди не знают, что жестокий враг уже готов нанести свой подлый удар, что всего через несколько часов предрассветную тишину нарушит рёв самолётов, мирно спящие города и сёла вздрогнут от разрывов бомб, гусеницы вражеских танков взроют землю, уничтожая посевы, давя всё на своём пути. Пограничники первыми примут бой. И погибнут смер-

тью героев…»

Глава 6. Брысь допрашивает Пафнутия

Следователь Петров раз за разом просматривал запись, морща лоб, барабаня пальцами по столу, вскакивая и снова садясь перед компьютером. Жена и дочки давно спали, и компанию ему составляла лишь Альма. Овчарка тоже не отрывала глаз от монитора и даже, казалось, так же, как и хозяин, морщила лоб, пытаясь осознать и дать хоть какое-то объяснение увиденному.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спрашивал свою «напарницу» Сергей Анатольевич. – Нет? Вот и я нет…

В Сашиной квартире происходило примерно то же самое. С тем отличием, что там вообще никто не спал. Не спали и у Менделеевых. Вовка то и дело пересчитывал свои склянки, которые хранил в очередной картонке из-под кроссовок, и сверял их количество с пометками в пухлой тетрадке. Что было совершенно бесполезно, так как юный химик (а с недавних пор в большей степени астроном) стал частенько пренебрегать порядком и, увлёкшись изготовлением нового состава, забывал фиксировать, сколько пузырьков из-под валерьянки наполнил своим изобретением.

Пафнутий, сидя на плече у Вовки и заглядывая сверху в обувную коробку, старательно делал вид, что тоже пере-

считывает бутылочки и тоже не может вспомнить, сколько их было. А ещё он всем своим видом намекал, что причины «потери памяти» у них разные. У «научного руководителя» – это вопиющая безалаберность, а у него, главного Вовкиного помощника, – исключительно нервозное состояние души. А как иначе – друг пропал! Впрочем, главным поводом для нервозности Пафнутия было предчувствие тяжёлого объяснения с Брысем… Для такого серьёзного дела кот вряд ли воспользуется телепатией. Наверняка он ждёт, когда в квартире Менделеевых погаснет свет, чтобы тут же заявиться «в гости» с допросом. И форточка на кухне, как назло, открыта настежь… И дверь в свою комнату, где на подоконнике располагаются шикарные апартаменты любимого питомца, Вовка никогда не закрывает…

Опасения Пафнутия были вполне оправданны. Брысь действительно с нетерпением ждал, когда все угомонятся и, следуя поговорке: утро вечера мудренее, разойдутся по спальням. И дождался. Ведь, как известно, силы человеческие не беспредельны. Чтобы побороть усталость, хозяева выпили с добрый десяток кружек кофе (кроме Саши, который налегал на молоко), но, так и не найдя решения загадки, легли спать, собираясь прямо с утра продолжить ломать голову над необъяснимым явлением.

– Пафнутий, вылезай, разговор есть! – раздался над самым ухом грызуна строгий баритон руководителя всевозможных миссий.

Пафнутий зажмурился крепче, показывая, что спит беспробудным сном, и тут же почувствовал на своём нежном упитанном теле острые когти.

– Вылезай, а то я тебя сам вытащу! – прошипел Брысь, просунув лапу сквозь прутья клетки.

– Ах, это ты? – протирая глаза, «изумился» помощник юного химика, нехотя откинул крючок, выбрался из своих апартаментов и поплёлся на кухню.

– Молочка? – предложил он, оттягивая минуту своего разоблачения.

– Сыт по горло! – категорически отверг Брысь попытку грызуна отсрочить наказание. – У меня к тебе лишь один вопрос (Пафнутий виновато опустил глаза и поморгал белёсыми ресницами), сколько эликсира было в пузырьке?

Обрадовавшись, что старшего компаньона интересует лишь такой пустяк, Пафнутий тут же забыл, что собирался до последнего отрицать свою причастность к исчезновению Мартина, и охотно ответил:

– Полный!

Брысь нахмурился.

– Он дал мне слово, что выбросит бутылочку на пустыре, – менее уверенно пояснил «м.н.с.», видя искреннее огорчение искателя приключений. – Мы не хотели, чтобы ты снова куда-нибудь отправился, – лепетал Пафнутий, – чтобы ты…

Брысь встрепенулся, не дослушав, словно его осенила какая-то идея.

– Тащи сюда!

– Что тащить? – растерялся «м.н.с.».

– Вовкины склянки! – досадуя на недогадливость младшего компаньона, потребовал Брысь.

– Но…

– Никаких но!

Тон «руководителя» был слишком категоричен, чтобы Пафнутий посмел ослушаться, а потому он поплёлся назад, в Вовкину комнату, где под кроватью стояла злосчастная коробка. Выудив из неё первый попавшийся пузырёк, он всё тем же плетущимся шагом вернулся на кухню (чтобы не греметь склянкой, Пафнутий овладел новым трюком – переносил бутылочку с эликсиром, обхватив её концом длинного лысого хвоста, словно петлёй, и высоко поднимая над полом).

– Ловко! – восхитился Брысь, но тут же вернул своему баритону строгость: —Ещё неси! Вдруг этот не сработает.

Пафнутий ещё два раза повторил маршрут. А Брысь один за другим выкинул пузырьки в форточку.

– Завтра Альма определит, похож ли какой-нибудь из этих эликсиров на тот, что использовал Мартин.

– А потом? – осмелился задать вопрос «м.н.с.».

Брысь оставил вопрос без ответа и исчез в проёме форточки. Пафнутий расслышал только, как он мягко спружинил на газон.

– Ой что будет… – помощник юного химика прижал лап-

ки к зеленоватым щекам и горестно поцокал язычком…

Глава 7. Загадка разъясняется

– Ну-ка, иди сюда! Ты как здесь оказалась? – шёпотом позвал Альму мужчина в военной форме.

Овчарка покрутила головой, оглядываясь вокруг. Сначала она подумала, что попала вовсе не туда, куда хотела. И даже запаниковала: вдруг она напрасно истратила эликсир, совпавший по запаху с тем, что использовал Мартин, и обнаруженный ею лишь в одном из трёх добытых Брысем пузырьков. Однако быстро сообразила, в чём причина – старая запись была чёрно-белой, а сейчас всё было цветным. Чёрно-белыми остались только цирковые животные, два королевских пуделя и два лохматых кота, показывающие свои нехитрые трюки в задней части большой палатки, где для выступления артистов была сделана круглая площадка. То, что принято называть «закулисьем», скрывалось за бархатным занавесом бордового цвета. Перед «ареной» в несколько рядов полукругом стояли скамьи, на которых восседали зрители, напомнившие Альме цветущий луг: на зелёном фоне одетых в гимнастёрки военных яркими пятнами выделялись нарядные женщины и дети. Все они весело смеялись и хлопали в ладоши, поддерживая симпатичную девушку-дрессировщицу.

Мужчина между тем крепко ухватил Альму за ошейник и повёл её к выходу, однако наружу не вышел, а присел

на край скамьи, видимо решив досмотреть представление, раз собака такая смирная и покладистая. «Сыщица» уже поняла, что переместилась в более ранний момент времени, чем Мартин, и, страшно волнуясь и озираясь вокруг, стала ждать его появления.

Зрители вновь зааплодировали и закричали «Браво!», Альма перевела взгляд на «арену» – коты поменялись «скакунами», перепрыгнув с одного пуделя на другого. «Тоже мне трюк!» – пренебрежительно подумала овчарка и вдруг услышала рядом какой-то стрекочущий звук. Повернув голову, она почти ткнулась носом в стеклянный кружок на небольшом железном ящичке. Держал его мужчина в широком фиолетовом плаще с блёстками, под которым виднелось голубое трико. Одной рукой человек, судя по одежде — цирковой артист, прижимал ящичек к себе, а другой крутил ручку, торчащую из боковой стенки. Именно это вращение и производило стрёкот. «Так это же меня снимают!» – осенило Альму. Насладившись слегка изумлённым видом красивой овчарки, кинооператор направил объектив «ящичка» на зрителей. В то же мгновение «сыщица» почувствовала лёгкое колебание воздуха, а следом раздался чуть сонный от действия эликсира и такой родной бас:

– Альма!

Наконец-то! Она рванулась к Мартину. Военный, который держал её за ошейник, от неожиданности свалился со скамьи и расцепил пальцы. Зал взорвался хохотом. Но не над

упавшим, а над тем, что происходило на арене. Впрочем, ни Альму, ни Мартина это уже не интересовало. Они выскочили из палатки, напугав красивого вороного жеребца, которого водил по кругу молодой мужчина, одетый во всё чёрное: высокую папаху, чёрную черкеску и облегающие сапоги без каблуков. Жеребец громко заржал и вскинулся на дыбы, а его хозяин стал ему что-то говорить на незнакомом Мартину и Альме языке и ласково поглаживать по шее. Путешественники во времени около них не задержались. Они помчались по улице, радуясь счастливой встрече, солнцу, небу, цветущим палисадникам; вдыхая вкусные ароматы, доносившиеся из открытых окон бревенчатых изб; распугивая котов (чего Мартин и Альма совсем не желали и даже не обращали на них никакого внимания); вызывая зависть местных псов, сидящих на привязи во дворах, и совсем не думая о том, что ждёт их впереди.

Так они домчались до окраины села и уткнулись в ограждение из сетки-рабицы. За ним располагалась большая собачья площадка, на которой как раз шли занятия. Наверное, не меньше сотни собак, каждая в сопровождении военного в зелёной фуражке с ярким синим околышем, оттачивали своё мастерство.

– Понятно. Это «Школа служебного собаководства», – со знанием дела сообщила Альма, сама недавно бывшая «курсантом» подобного заведения.

– Надо же, все твоей породы, немецкие овчарки. – Мартин

с уважением наблюдал, как благородные красавцы и красавицы прыгали через высокие барьеры и ловко карабкались по лестницам. Впрочем, он и сам мог бы с лёгкостью повторить все эти трюки и показать «их благородиям», что не в породе дело, хотя на собачью площадку (не такую большую, как эта, а обычную дворовую) его водили лишь в детстве, а потом площадка стала казаться в его присутствии слишком тесной и неудобной для занятий других собак, так что любимые хозяева перенесли его прогулки на пустырь за домом.

На них стали оглядываться, и Мартин с Альмой свернули на другую улицу и побежали дальше. Миновав последний дом и прилегающий к нему огород, они оказались в поле, среди подсолнухов. Вечернее солнце, не затемнённое ни единым облачком, грело и ласкало, словно приглашая сполна насладиться чудесным окончанием дня. Путешественники во времени помчались между высокими стеблями. Большие овальные листья с заострёнными концами, жёсткие и слегка колючие, лупили их по чувствительным носам, но Мартин и Альма продолжали соревноваться в скорости (при этом пёс ловко делал вид, что выкладывается в полную силу).

Поле закончилось невысоким обрывом и речкой, и Мартин с Альмой с разбегу прыгнули в прохладную воду. Вдоволь наплававшись, они выбрались на отмель, чуть дальше того места, где начали своё купание, и принялись весело кататься по песку, высушивая шерсть. Надвигавшиеся сумерки «развязали языки» кузнечикам, и окрестности завибрирова-

ли от множества трескучих голосов, в которые вплелись арии лягушек. Словно желая показать, как мало красоты в этих звуках, завёл свою песню одинокий соловей, наверное, он не нашёл или потерял любимую и не был занят выкармливанием потомства, как другие. Его нежные «тёх-тёх-тёх-тёх-тёх-пиу-пиу-пиу-тур-р-тур-р-тур-р-тур-р…» были так же прекрасны, как и грустны. И радость Мартина оттого, что они с Альмой вместе, сменилась тревогой за их будущее.

– А зачем ты сюда переместилась и где взяла эликсир?

– Чтобы ты был здесь не один… – сконфуженно призналась Альма. – Пузырьки с Вовкиными экспериментами достал Брысь. Я нашла среди них тот, что походил по составу на эликсир, который ты использовал – бутылочка под диваном лежала. А мой хозяин обнаружил в компьютере ту старую запись из телепередачи.

Мартин какое-то время обдумывал её рассказ.

– Этого не может быть… Это я отправился сюда за тобой!

– Потому что ты настоящий друг! – торжественно подтвердила Альма, чем смутила простодушного пса.

– Всё равно ничего не понимаю, – Мартин потряс головой, как будто пытался встряхнуть мозги и заставить их работать лучше.

– И мы долго не могли понять. Представляешь, каково мне было увидеть себя на какой-то старой чёрно-белой плёнке?! Теперь-то ясно, что я переместилась на несколько минут раньше и первая попала в объектив кинокамеры. Из-за

этого всё и завертелось… Ты увидел меня и бросился спасать. Сам попал в кадр. Я увидела тебя и… В общем, вот что получилось.

Пока Мартин пытался осознать всю эту невероятную череду событий, Альма разглядывала противоположный берег, поросший густым кустарником и гораздо более обрывистый, чем с их стороны. Едва ощутимый ветерок донёс тревожную смесь запахов: помимо человеческих – множества разных людей – пахло железом, бензином, машинной смазкой…

Альма обернулась к Мартину. Пёс тоже почувствовал неладное и теперь втягивал чутким носом враждебные мирному пейзажу запахи. Встретившись глазами, они поняли, что думают об одном и том же.

Через несколько часов начнётся война.

***

Сергей Анатольевич Петров пришёл один.

– А где Альма? – первым делом поинтересовался Саша, встречая следователя в прихожей. Все три кота тоже были тут и с тревогой ждали, что ответит гость. Брысь, который накануне передал Альме пузырьки, полученные от Пафнутия, не увидев овчарки рядом с хозяином, сначала мысленно возликовал – «Получилось!», но сразу и разволновался. Что, если Альма из любви к Мартину тоже использовала весь пузырёк и оба они надолго застрянут в том ужасном времени?..

Сергей Анатольевич протянул раскрытую ладонь, на ко-

торой лежала пустая бутылочка из-под валерьянки, подтвердив худшие опасения Брыся.

– Это что? Вовкин эликсир? – удивился Саша. – Но откуда он у вас?

– А об этом, я так понимаю, нужно спросить твоих котов, или достаточно одного. – Следователь Петров поднял Брыся под мышки на уровень своего лица и строго посмотрел в янтарные глаза с чёрными непроницаемыми зрачками. Не разгадав их выражения, он снова поставил кота на пол.

– Но это же всё объясняет! – воскликнул мальчик. – Теперь понятно, как Альма оказалась на той записи. И понятно, почему исчез Мартин. Он увидел свою подругу и тоже использовал эликсир!

Саша посмотрел вниз, на опытного путешественника во времени, занятого, казалось, исключительно тщательным вылизыванием подмышек, которых коснулись чужие руки.

– Объяснять-то объясняет, но вот почему их до сих пор нет?! Разве действие перемещателя не должно было уже закончиться? – спросил Сергей Анатольевич, едва сдерживаясь, чтобы не повысить голос на приятеля юного химика и хозяина серо-белого кота-авантюриста, тем более что мальчик был ни в чём не виноват и сам потерял любимого питомца.

Саша растерянно пожал плечами:

– Может быть, слишком много эликсира взяли…

И шмыгнул носом, стараясь удержать слёзы. Рыжий и Са-

вельич тут же принялись усердно тереться об его ноги и громко мурчать, утешая. Брысь виновато потупился – уж не ради ли него добрый пёс не сдержал данного Пафнутию обещания и не закопал эликсир на пустыре?..

– И что нам теперь делать? – Саша с укоризной посмотрел на следователя (эх, не оправдал сотрудник серьёзных органов его надежд!) и усиленно засопел, чтобы показать, что он уже взрослый, умеет справляться со своими переживаниями и не прольёт ни слезинки.

Сергей Анатольевич размышлял над вопросом «Что делать?» с того самого момента, как обнаружил исчезновение Альмы и пузырёк на столе перед монитором компьютера, за которым он уснул от усталости (наверное, в сотый раз пересматривая странную запись) и на котором чётко обозначились разводы от вязкой жидкости и следы языка его питомицы.

– Сначала попробую узнать, как попала плёнка к поисковикам, вдруг удастся выяснить, где это было отснято. А затем в архив Министерства обороны, постараюсь найти что-нибудь о событиях, происходивших в начале войны в том месте…

Глава 8. Граница

Мартин вздрогнул от внезапной, поразившей его в самое сердце мысли:

– Выходит, это из-за меня ты теперь можешь погибнуть?..

Он с раскаянием посмотрел на свою подругу. Альма же как будто и не слушала, во всяком случае, её взгляд был направлен мимо него, в заросли ивняка в нескольких метрах от «их» отмели. Мартин повернул голову – из-за густого переплетения тонких стволов за ними определённо кто-то наблюдал. Направление ветра не позволяло определить, кто. Мартин глухо зарычал, предупреждая неизвестного или неизвестных, что лучше с ним не связываться. Потом оглянулся в поисках чего-нибудь, что могло бы подтвердить его решительность. На пригорке, прямо над отмелью, в землю был вкопан столб, разлинованный красными и зелёными полосами, и Мартин сделал то, что сделал бы любой пёс на его месте – подбежал к столбу и, задрав заднюю лапу, пометил – обозначил рубеж, за который не советовал заходить никому чужому.

– Ах ты вражина! – В зарослях послышалась возня, короткий возмущённый «гавк», и на берег вышли два пограничника (собаку они, видимо, привязали в кустах, чтобы не завязалась драка, и теперь она едва слышно скулила, переживая за «своих» Людей).

– Это же не просто столб, дурила! Это же знак Государственной Границы! – стыдил один из них «нарушителя», медленно приближаясь.

Альма встала рядом с Мартином, явно смущённым своим «проступком», и следила за каждым движением человека, стараясь не выпускать из поля зрения второго, который был, возможно, более опасен, так как держал наготове винтовку с приделанным к ней штыком. Первый тоже был вооружён, но его винтовка висела за спиной, а обе руки были опущены, словно человек хотел показать, что настроен вполне дружелюбно.

Пограничник подошёл совсем близко. Это был ещё совсем юноша, с округлым лицом и серыми глазами под светлыми, словно выцветшими, бровями. Нежный румянец на щеках и длинные пушистые ресницы, которым наверняка завидовали даже признанные красавицы, делали его вид совершенно безобидным. И это впечатление не могла изменить ни торчащая над правым плечом винтовка, ни длинный, до пят, маскировочный плащ с капюшоном, ни надвинутая на лоб зелёная фуражка с красной звёздочкой на синем околыше.

– Вижу, стоять спина к спине вы умеете, а сидеть? – спросил он, поднимая правую руку, как при дрессировке.

Мартин и Альма машинально сели, вероятно, знакомый с детства жест подействовал на них гипнотически.

– Здорово! Вы что, сбежали из «Школы»? Самоволка? Ну

что молчите как рыбы в пятницу?

Путешественники во времени переглянулись. Почему «как рыбы» – было понятно, а вот почему именно в пятницу?..

Юноша наклонился, чтобы рассмотреть блестящие жетоны на их ошейниках.

– Красивые имена. Мартин и Альма. Вас так назвали в честь германо-советской дружбы?* А ведь она, считай, уже закончилась, – продолжал пограничник, изучая цифры, которые следовали после собачьих кличек (номера мобильных телефонов Сергея Анатольевича и мамы Лины, но откуда бы знать это человеку из первой половины прошлого века!). – Чуете, что на том берегу делается? Сил нагнали – мама не горюй, вернусь в субботу. Не сегодня-завтра война начнётся.

*Намёк на Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом (также известен как пакт Молотова – Риббентропа) – межправительственное соглашение, подписанное 23августа 1939 года главами ведомств по иностранным делам Германии и Советского Союза.

– Николай, – обратился он к напарнику, – смотри, какие странные цифры. На шифр похоже.

Второй пограничник убрал винтовку за спину и осторожно подошёл, чтобы нечаянным жестом не вызвать у незнакомых собак агрессию. Их питомица заскулила чуть громче. Она перевидала множество своих собратьев (только на их

пограничной заставе собак было не меньше двух десятков), но в этой парочке она всем своим нутром чувствовала что-то странное, не враждебное, нет, иначе она бы уже избавилась от ошейника (нужно лишь прижать уши и резко крутануть головой) и сумела защитить своих Людей, пусть даже ценой жизни. Ведь справиться с таким гигантом наверняка непросто. Да и его подруга выглядела сильной и ловкой.

– Действительно похоже на шифр, – задумчиво протянул тот, кого звали Николай. Он казался немного старше своего товарища, может, из-за того, что был более худощавым и впалые щёки и большие карие глаза придавали ему взрослость. Альма обратила внимание, что на вороте его гимнастёрки, выглядывающей из-под расстёгнутого плаща, нашиты зелёные прямоугольники с кантом малинового цвета. Такие же имелись и у другого юноши, только более нарядные: с золотистым уголком, красной продольной полоской посередине и на ней – два бордовых треугольничка. Видимо, эти нашивки показывали воинские звания. «Сыщица» привыкла к другим знакам отличия – погонам, но у пограничников их не было.

– Так, давайте-ка сюда ваши железки, отдадим их кому следует и пусть разбираются. – Сероглазый потянулся к ошейникам, чтобы отстегнуть жетоны, но Альма и Мартин одновременно воспротивились: Альма показала зубы, а Мартин глухо зарычал. Нечего чужому человеку касаться их личного имущества, ещё хранившего запах родных хозяй-

ских рук!

– Ладно, – сдался юноша, – тогда вам придётся с нами патрулировать границу. А когда нас сменят, отведём вас на заставу.

«Патрулировать границу» звучало внушительно и почётно, тем более что ни Мартин, ни Альма не собирались прятаться от надвигающейся опасности. Особенно после того, как увидели спокойную отвагу пограничников, почти мальчишек, которым совсем скоро предстояло принять жестокий бой. Возможно, свой первый и последний…

– Пойдёмте знакомиться с Диной, а то она вся испереживалась.

***

Потянулся ещё один томительный день ожиданий. Саша и Николай Павлович не отходили от монитора компьютера, пересматривая всю военную хронику, какую им удавалось найти. И если бы в их руках оказались настоящие плёнки, они бы уже «засмотрели» их до дыр. Мама Лина, чтобы успокоить нервы, не расставалась с тряпкой и натирала всё вокруг до блеска. Тем же самым занимались у себя Сашина бабушка Александра Сергеевна и жена следователя Петрова. В результате их квартиры сияли такой чистотой, словно хозяйки готовились в любой момент принять у себя высоких гостей, рангом не ниже английской королевы. Вовка Менделеев, чувствуя личную вину за произошедшее, опять закопал

коробку со склянками на пустыре. Пафнутий с раннего утра затянул песню про «враждебные вихри» и мешал Брысю сосредоточиться на поиске выхода из сложившейся ситуации. Рыжий и Савельич просто грустили.

Вечер принёс новости. Сергей Анатольевич, выпросивший у начальства внеплановый отпуск и посвятивший этот день переписке в интернете с поисковиками, узнал, что коробку с плёнками вместе со старой кинокамерой им передала жительница одного приграничного белорусского села. Но никаких подробностей, кроме того, что эта конкретная запись была последней по дате и сделана 21 июня 1941 года в том самом посёлке, у них не имелось. На остальных плёнках тоже были запечатлены представления маленькой цирковой труппы. Видимо, кто-то из артистов увлекался съёмками на любительскую кинокамеру, которые появились как раз перед войной. Но эта новость была не главной. Поисковики сообщили, что в окрестностях посёлка, у реки, где пограничники вели бой, чтобы не пропустить врага через брод, при раскопках они нашли нечто странное. Помимо человеческих останков – останки двух собак. И это не было бы удивительным (ведь служебные собаки тоже до конца выполняли свой воинский долг), если бы не обнаруженные именные жетоны. На них выгравированы клички и цифры, напоминающие номера современных мобильных телефонов. Сергей Анатольевич попросил прислать ему фотографию этих находок. И теперь с тяжёлым сердцем звонил в дверь Сашиной

квартиры…

Глава 9. В дозоре

Дина тоже оказалась немецкой овчаркой, но, в отличие от Альмы, почти чёрного цвета. После первичного знакомства, сопровождавшегося долгим и тщательным обнюхиванием друг друга, Мартин и Альма представились недавно прибывшими «курсантами» школы служебного собаководства, которые решили изучить окрестности, как только обнаружили дырку в ограждении. И, конечно, раскаиваются, что нарушили дисциплину и подвели своих Людей (главные сведения из биографии они утаили, всё равно бы пограничная собака не поверила).

– Эти Люди называются вожатыми или проводниками, – назидательно поправила Дина. – Вы и впрямь новенькие, раз даже этого не знаете. Ну а теперь вы сразу с корабля да на воскресный бал. – Дина покосилась на сероглазого круглолицего юношу с нарядными нашивками на гимнастёрке. – Это меня Неделя заразил.

– Кто? – не поняли «курсанты».

– Мой вожатый – сержант Неделин, по прозвищу Неделя – так его на заставе называют, и не из-за фамилии, а потому что он все поговорки переиначивает на свой лад, обязательно добавляет к ним какой-нибудь день недели.

Мартин и Альма тут же вспомнили про молчание рыб в пятницу и «мама не горюй, вернусь в субботу».

– Мне больше всего нравится: «Что ты тащишься как черепаха в понедельник», – поделилась Дина и тут же пояснила: – Это он не про меня, это если напарник медлительный попадается. А он старший наряда, за всё и всех отвечает. – И неожиданно добавила: – Поэтому если ему нужны ваши железки, то лучше отдать. Неподчинение старшему – грубое нарушение воинской дисциплины.

Мартину и Альме стало стыдно. В конце концов, пограничник же не купленные хозяевами ошейники хотел с них снять, а всего лишь жетоны с номерами телефонов, по которым в этом времени всё равно не позвонить. Только нервничать будет из-за непонятных цифр или, того хуже, считать Мартина и Альму вражескими лазутчиками, которые несли зашифрованное послание шпиону или предателю. (Если Дина «заразилась» от своего человека поговорками, то все друзья Брыся давно «заразились» от него любовью к фильмам про секретных агентов и разведчиков.) Пришельцы из будущего подошли к сержанту и сели перед ним, всем своим видом показывая, что готовы проявить послушание и не будут рычать и лязгать зубами, если он ещё раз попытается снять жетоны.

– Ого! – удивился пограничник. – Не светило, не горело, да вдруг в среду припекло. Никак согласны отдать свои железки?

Сержант отцепил от ошейников Мартина и Альмы их именные бирки и положил в карман гимнастёрки.

– Так надёжнее. Правильно, Коля?

– Так точно, товарищ сержант! – подтвердил напарник и с хитринкой в голосе добавил: – А то развелось диверсантов как грязи после дождичка в четверг.

Неделя ухмыльнулся:

– Молодец! Быстро учишься.

Даже шутливо переговариваясь, пограничники ни на мгновение не ослабляли внимания, то рассматривая в бинокль противоположный берег, то вглядываясь, не примята ли трава. Или спускались к песчаной полоске около воды и проверяли, не появились ли чужие следы.

Мартину, Альме и Дине не нужно было прилагать столько усилий, чтобы определить, что на вверенном им участке границы (а он тянулся на полтора километра вдоль реки) чужих нет. Но они есть в огромном количестве на другом берегу.

– Дина, а что вы должны делать, если вдруг появится нарушитель? – осторожно поинтересовался Мартин.

– Принять меры к задержанию или уничтожению, – отрапортовала пограничная овчарка.

– А если нарушителей будет много? Очень много? – продолжал выспрашивать Мартин.

Дина задумчиво посмотрела на противоположный берег.

– Другого в уставе нет. А значит, всё равно будем принимать меры к задержанию или уничтожению.

– Но у твоих Людей всего две винтовки, – волнуясь, напомнила Альма.

– У них ещё есть гранаты и я, – спокойно парировала Дина. – А если не струсите, то у них есть мы.

– Не струсим, – ничуть не покривили душой Мартин и Альма.

День 21 июня был самым длинным в году, но и он ненадолго сдался под натиском темноты. Так что когда собачьи носы почуяли приближение троих неизвестных и ещё одной овчарки, дозорная тропа утопала в сумраке.

– Это наши. Смена. Ночью всегда по трое дежурят, – успокоила Дина своих новых товарищей.

Пограничники тоже догадывались, кто к ним приближается, неслышно ступая по мягкой траве (во-первых, подошло время смениться, во-вторых, Дина – опытная помощница – вела себя спокойно), но, соблюдая ритуал, обменялись с подошедшими паролем и отзывом: «Бук» – «Ясень». Далее следовало доложить об обстановке и происшествиях, сдать дежурство по охране Государственной Границы «свежим силам» и возвращаться на заставу. Однако в этот раз всё пошло по-другому.

– Объявлена полная боевая готовность. Есть сведения, что в 4 утра гитлеровцы предпримут наступление, – мрачно поведал старший вновь прибывшего наряда. – Всем отменены увольнительные. Основные силы брошены к железнодорожному мосту. Нам приказано сдерживать противника у брода, чтобы не допустить окружения заставы и выиграть время для эвакуации комендатуры и школы собаководства.

– То есть, товарищ младший сержант, вы не смена, а подкрепление, – заключил Неделя.

– Так точно. Пулемётный расчёт.

– Тогда давайте занимать позиции. Окажем гостям «тёплый» приём. Чтобы подавились нашим хлебом-солью.

Мартин удивился и восхитился, как в юноше вдруг проявились командирские качества. Его по-детски округлое лицо, доброе и открытое, излучало спокойствие. В голосе не чувствовалось ни грамма страха. Единственное, что изменилось, – это глаза. Они посерьёзнели и словно подёрнулись ледком.

Брод начинался у той самой отмели, где всего пару часов назад резвились Мартин и Альма, когда их радость от встречи ещё не заслонили думы о том страшном, что им, возможно, предстоит. И когда красно-зелёный столб на пригорке был для них обычным столбом. Теперь же он превратился в символ. Символ Родины. Родины, которую нужно защитить во что бы то ни стало. Пятеро пограничников и четыре собаки постояли несколько минут рядом с ним, набираясь решимости перед неравным боем, черпая в нём силы, укрепляя дух.

Неделя окинул взглядом свой маленький отряд: двое, включая его, младший комсостав; трое новобранцев, прослуживших всего месяц, все комсомольцы из разных уголков страны – тут и Тамбовщина, и Курская область, и Минск, и Тула, и любимая Москва в его лице; преданная Дина, с ко-

торой он уже год ходит в наряды; пограничный пёс по кличке Верный – мудрый, пожилой, но ещё признанный годным к нелёгкой службе, и две никому неизвестные собаки. Впрочем, умные. А Мартин так ещё и здоровяк, хотя и беспородный.

В арсенале у них один ДП с тремя запасными дисками, пять пятизарядных винтовок, к каждой – боезапас в 50 патронов, по четыре гранаты на брата и две ракетницы. Негусто. Ну ничего. «Цыплят по вторникам считают», – в привычной манере переиначил он поговорку, а вслух сказал то, что должен сказать командир перед боем:

– Товарищи бойцы Красной Армии, там, – он показал рукой в сторону поля, за которым виднелся посёлок: редкие огоньки, очертания садов, печные трубы и белоснежная церковная колокольня на фоне ночного неба, – наша Родина. Жён и детей, наверное, ни у кого из нас нет…

– Нет, – хором откликнулись бойцы, внимательно слушая своего ровесника, который сейчас был их командиром.

– Но там наши матери, отцы, сёстры, братья, невесты… Так что сражаться не просто до последнего патрона – до последнего вздоха. Это наша земля. А потому вот вам боевая задача: уничтожить как можно больше живой силы противника. Заставим врага пожалеть, что он к нам сунулся. – Неделя ещё раз обвёл всех взглядом, встретившись глазами с каждым, включая собак, слушавших его с не меньшим вниманием. – Занять позиции. Соблюдать тишину.

Отряд разделился. Неделя с напарником, Диной, Мартином и Альмой укрылись в зарослях ивняка слева от отмели, подкрепление из трёх пограничников и пса Верного – справа.

В уши ворвались звуки ночной природы: без умолку трещали кузнечики, лягушки соревновались в громкости, кричали какие-то птицы – всё с надрывом, как будто в последний раз. Одинокий соловей молчал. Понимал, что его изысканного пения в этом гвалте никто не услышит.

С противоположного берега доносилась отрывистая немецкая речь вперемешку с польской, изобилующей шипящими, лязганье железа, шум моторов, конское ржание.

Потом всё ненадолго стихло – видимо, противник изучал в бинокли обстановку.

Небо стало светлеть, окрашиваясь в нежный розовый цвет там, где скоро должно было появиться солнце. Проснулись комары, зазвенели надоедливо – и это был последний мирный звук в то страшное утро…

Краткие комментарии для любознательных

Пулемёт Дегтярёва (ДП) – ручной пулемёт, разработанный Василием Алексеевичем Дегтярёвым; принят на вооружение в РККА (Рабоче-крестьянской Красной Армии) в 1927 году; предназначался для поражения целей на дальностях от 100 до 1,2 тыс. метров. Огонь вёлся короткими очередями по 2—3 выстрела или очередями по 6 выстрелов, ведение непрерывного длительного огня допускалось только в крайних случаях. Расчёт пулемёта – 2 человека: пулемётчик («наводчик») и помощник («второй номер»). Помощник переносил магазины в специальной коробке, рассчитанной на три диска.

Глава 10. Воздушный бой

– Началась война, – повторил Аслан.

Все выбежали из палатки. В нескольких километрах от поля, где они разбили лагерь, чтобы переночевать, находился военный аэродром. Лётчики квартировали в посёлке, где должно было состояться следующее представление их цирковой труппы (и Андрюшка заранее радовался, что будет выступать перед такими героическими личностями, какими считал всех покорителей неба). Теперь в том месте клубился, устремляясь вверх, чёрный дым, такой густой, что Андрюшка не сразу разглядел самолёты, идущие плотным строем на восток, вглубь его страны. Именно они издавали тяжёлый вибрирующий гул. Три боевые машины с хорошо различимыми крестами на крыльях летели особенно низко, как будто лётчики хотели убедиться, что поразили свою первую цель.

– Почему наши не взлетают и не сражаются?! – закричал Андрюшка.

Словно услышав его призыв, из черноты ввысь поднялся одномоторный самолётик. Во всяком случае, рядом с вражескими двухвинтовыми бомбардировщиками он выглядел именно таким, трогательным и отважным.

– Наш, наш! Это И-16, «ишачок»! – снова завопил Андрюшка, который, как и большинство мальчишек, разбирал-

ся в самолётах и танках не хуже, а иногда и лучше взрослых.

Завязался воздушный бой. На первый взгляд, совершенно неравный, без малейшего шанса для храброго лётчика «ишачка». Так решили и немцы, оставив против малыша с деревянной обшивкой лишь один из своих металлических «хейнкелей». Проявляя чудеса пилотажа, юркий И-16 поливал врага из пулемёта, ловко увёртываясь от ответного огня. Но вот пулемёт замолчал. Видимо, у лётчика И-16 кончились боеприпасы. «Ишачок» снова взмыл в небо, как будто хотел попрощаться с любимой стихией, а потом вдруг развернулся и, набирая скорость, ринулся на врага. Немецкий ас не поверил глазам и попытался увести свой более тяжёлый самолёт от столкновения, но И-16 оказался проворнее и своим единственным винтом буквально срезал хвост бомбардировщику. Оба рухнули вниз, земля содрогнулась от взрывов, взметнулось пламя, унося души лётчиков: одну – к бессмертию и славе, другую – к вечному позору…

– «Кто к нам с мечом придёт, от меча и погибнет», – прошептала Андрюшкина мама, но всем показалось, что знаменитое изречение прогремело над полем, такая вдруг наступила тишина.

Длилась она ровно мгновение, а после начался настоящий ад. Словно в отместку за гибель своего или просто от злобы прямо над головами беззащитных людей и животных промчался вражеский истребитель, едва не опрокинув их потоком горячего воздуха и расстреляв грузовичок: кабина стала

похожа на дуршлаг, а деревянный кузов разнесло в щепки. Жеребец Бахтар, который уже давно рвался из крепких рук Аслана, взвился на дыбы и с диким ржанием кинулся прочь. Обезумев от страха, он заметался по полю, сразу превратившись для «мессершмитта» в объект охоты.

– В лес! Скорее бегите в лес! – закричал Андрюшкин папа и, подхватив сына на одну руку, а другой схватив жену, первым побежал к ближнему краю еловой чащи, до которой было всего-то метров двести, но эти метры показались нескончаемыми и преодолели их не все.

Упал, словно споткнувшись, Артур Бенедиктович. Тысячи раз он падал под громкий хохот зрителей, смешно путаясь в огромных клоунских ботинках. Теперь он упал в последний раз – пулемётная очередь прошила его спину. Ещё одна смертоносная очередь остановила стремительный бег Бахтара. Красавец жеребец, покоривший своим искусством иноходца немало благодарной публики, на всём скаку перекувырнулся через голову и затих. Пронзительно закричал Аслан, но не выпустил Валиной руки, таща девушку за собой. У Валентины подкашивались ноги, она беспрестанно оглядывалась в поисках своих питомцев, а спасительный лес, как в кошмарном сне, не становился ближе.

Но вот над головами беглецов сомкнулись вековые ели. «Мессер» сделал ещё несколько заходов на бреющем полёте, утюжа лес пулемётным огнём, срезая верхушки деревьев, сдирая пулями кору, но в конце концов улетел, дав измож-

дённым людям передышку. Что стало с Тамариным братом, Володей-Вольдемаром, и куда подевались Валины подопечные – никто не знал…

Краткие комментарии для любознательных

Первым советским лётчиком, таранившим немецкий самолёт 22 июня 1941 года, был старший лейтенант И. И. Иванов, который, израсходовав боеприпасы, винтом своего И-16 обрубил хвост «Хейнкеля-111». За этот подвиг И. И. Иванову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. По неполным данным, за первый день войны советские лётчики совершили 18 воздушных таранов.

Глава 11. Первый бой

Война началась ровно в 4 часа утра, оглушительно заявив о себе рёвом самолётов, разрывами снарядов и бомб.

– Туды его в дышло, что за воскресенье вышло! – тихо выругался Неделя, как и все, до последнего надеявшийся, что гитлеровцы просто предпримут очередную провокацию, «прощупывая» границу, за последние месяцы их было немало, да и диверсанты шастали туда-сюда, не давая расслабиться. – Аэродром бомбят. Сейчас и «наши» полезут. Интересно, сколько их через брод сунется.

Над рекой низко стелился густой утренний туман, затрудняя обзор.

– Как бы не пропустить, – волновался Николай.

Мартин, Альма и Дина напряжённо вслушивались в тот берег, откуда раздавалась непрерывная канонада. Багровое огненное зарево окутало небо, словно рассвет, минуя день, превратился в буйный закат.

Наконец, Дина, натренированная на выявление нарушителей границы, а потому раньше Мартина и Альмы услышавшая тихий всплеск, подала сигнал: шевельнула ушами и оглянулась на своего вожатого.

– Идут голубчики, – удовлетворённо констатировал Неделя, внимательно наблюдавший за питомицей. И толкнул напарника в плечо: – Видишь что-нибудь?

– Пока нет, – ответил Николай, по привычке шёпотом. – Чёртов туман.

Но вот в молочном мареве, метрах в двадцати от берега, обозначились контуры фигур.

– Огонь! – скомандовал Неделя и первым нажал на спусковой крючок. Туман приглушил звук выстрела, как и вскрик того, кому досталась первая пуля – Неделя был метким стрелком. Тут же заработал пулемёт младшего сержанта. Взорвалась граната, вторая, третья… В ответ тоже раздался огонь и полетели гранаты. Но туман помогал не только противнику, но и пограничникам, скрывая их расположение и заставляя неприятеля стрелять на звук, не видя цели.

Мартин и Альма сдерживались изо всех сил, чтобы не рвануться вперёд и не вонзить зубы во врагов. Они удивлялись выдержке Дины, которая даже не вздрагивала от близких выстрелов, а спокойно и сосредоточенно смотрела перед собой, словно пыталась пронзить взглядом белую завесу или отмечала количество точных попаданий по вскрикам и всплескам. Наконец, ответные очереди прекратились. Видимо, гитлеровцы решили повременить с переправой и дождаться, когда рассеется туман, а может, унести раненых и подсчитать потери.

– Уф, отбились, – прокомментировал Николай наступившее затишье.

– Вовремя, патроны на исходе, – согласился Неделя. – Надо бы послать гонца на заставу, заодно узнать, что там дела-

ется, и доложить о том, что делается у нас.

«Гонцом» выбрали красноармейца из подкрепления, забрав у него винтовку и неизрасходованный боезапас.

– Думаю, у тебя есть полчаса на туда-сюда обернуться, – сказал Неделя.

Пограничник исчез в зарослях. Остальные, не спуская глаз с реки, прислушивались к взрывам, залпам орудий и стрекотанию пулемётов, пытаясь определить, далеко ли удалось продвинуться врагу. Судя по звукам, самая горячая битва происходила сейчас у второй заставы, около железнодорожного моста, в семи километрах от них. Оно и понятно – неприятель прорывался на танках. А у ребят всего-то десять противотанковых гранат, два «максима» да четыре ДП…

От горящих самолётов, застигнутых врасплох на военном аэродроме, в небо поднимались клубы чёрного дыма.

– Неужели всех уничтожили?.. Как же так?.. – бормотал Николай, с отчаянием и надеждой вглядываясь в ту сторону, где ещё час назад на огромном лётном поле стояли сотни истребителей И-16, «ишачков», как ласково их все называли.

Внезапно один из них взмыл ввысь и схлестнулся в смертельной схватке с вражеским бомбардировщиком.

– Ты видел?! Нет, ты видел?! Каков молодец! – возбуждённо, перебивая друг друга, заговорили пограничники.

Однако никто из сослуживцев героический порыв лётчика не поддержал, что означало худшее – аэродром раз-

бомблен. Сражение было ярким, но коротким и завершилось гибелью отважного смельчака, напоследок протаранившего своего противника.

Над дальним полем, примыкающим к густому ельнику, кружил на низкой высоте «мессер», обрушивая на кого-то пулемётный огонь…

– Слышите? – Мартин поднял уши. Дина и Верный одобрительно подумали, что так дворняга вполне походит на породистого пса. Альма к метаморфозам внешности своего приятеля давно привыкла, к тому же он нравился ей любым. Она прислушалась, стараясь разобрать сквозь какофонию звуков, что взволновало Мартина. Откуда-то издалека донеслось смертельно-испуганное ржание жеребца. А ещё отчаянный, срывающийся на визг лай собак и истошное мяуканье.

– Бедняги… – голоса животных показались Альме знакомыми, но она не могла вспомнить, где их слышала, столько всего случилось за последние несколько часов…

В вышине снова раздался гул множества винтов. Надменно демонстрируя кресты на крыльях, бомбардировщики летели в обратном направлении, за новой порцией смертоносного груза. Пограничники проводили их угрюмыми взглядами.

– Что за напасть, как бы в воскресенье не пропасть, – едва слышно произнёс Неделя, а громче добавил: – Ничего, Наполеон тоже крыльями махал, пока не оторвали.

Мартин и Альма согласно переглянулись – да, Гитлеру и его генералам следовало бы лучше учить историю и делать выводы.

– Не хотелось бы, чтобы немец до Москвы дошёл, – вздохнул Николай.

– А это, Коля, и от нас сейчас зависит, – спокойно парировал Неделя, разглядывая в бинокль редеющий туман.

«Гонец» не вернулся ни через полчаса, ни через час. А ставшие более близкими разрывы снарядов и стрёкот пулемётов свидетельствовали о том, что противник прорвался через мост и бой идёт уже на их собственной заставе, всего в километре от занимаемой ими позиции. Враг переступил черту. Враг мощный, превосходно вооружённый. Не знавший поражений…

– Тут ведь, ребята, простая математика, – понимая, о чём думают бойцы, произнёс Неделя. – Это как с мухами в казарме в августе. Мало того, что их миллион, так ещё и кусаются заразы. Сначала кажется, что их не перебить. А потом, глядишь, там сетку на окно повесил, там липкую ленту прицепил, там мухобоечкой поработал – и всё, спи спокойно. И немцев одолеем. Навалимся всем скопом и одолеем. Товарищ Сталин с генералами да маршалами покумекают, как это половчее сделать. Как говорится, с утра в понедельник одна голова хорошо, а две лучше.

Шутка немного разрядила обстановку. И Неделя снова стал серьёзен.

– Немцы теперь умнее будут. Нашу отмель сначала из миномётов поутюжат, так что отойдём подальше, дадим им время успокоиться. Боезапас пересчитать, зря патроны не тратить, стрелять наверняка. А как своих «гостей» перебьём, рванём к нашим на подмогу.

Командир говорил так уверенно, что все поверили – перебьют. И ушли на новые позиции. Туман потихоньку рассеивался, становился прозрачным, как фата невесты…

Мартин и Альма не переставали восхищаться выдержкой и каким-то совершенно будничным героизмом пограничников. Раньше, когда они вместе со своими хозяевами смотрели по телевизору фильмы про войну, им казалось невероятным, просто невозможным то, что творили киношные герои на экране. Как бесстрашно поднимались в атаку, хотя рядом падали и падали сражённые вражеской пулей друзья, как бросались с гранатой под грохочущий танк, как под взрывами тащили на себе раненых… Эти молодые парни не видели фильмов про войну, они просто выполняли долг, даже не догадываясь, что они настоящие герои… Как их напарники – собаки. Дина и Верный тоже просто выполняли долг, ни разу не заскулив, забыв про голод, не прячась от пуль и снарядов, готовые разделить судьбу своих Людей, какой бы страшной она ни оказалась…

Окончательно рассвело. Туман исчез, будто и не было его. Вода, как зеркало, отражала небо и самолёты, опять летевшие бомбить «цели» – города и сёла с мирными жителями,

со спящими в кроватках малышами…

Всё произошло так, как предполагал Неделя. Отмель и прилегающие к ней заросли накрыл миномётный огонь. Комья земли и осколки разлетались во все стороны и доставали до нового укрытия. Ранило младшего сержанта – осколком ему пробило левую ладонь.

– Хорошо, что левую, а не правую, а то не смог бы в загсе подпись поставить, – шутил Неделя, перевязывая товарища. – Это ж тебе не из пулемёта строчить, там витиеватость нужна, крючочки-закорючки, без правой никак. Так что ты её береги.

После миномёта в дело вступили пулемёты – не жалея патронов, неприятель поливал берег длинными очередями. Потом на несколько минут воцарилась тишина. Только в той стороне, где находилась застава, слышался шум боя.

Но вот речное зеркало пошло «трещинами»: держа наготове автоматы, на мелководье осторожно ступила первая пара солдат в непривычной глазу серо-зелёной форме и касках, больше похожих на перевёрнутые кастрюли.

Теперь, отчётливо видя противника, Мартин чувствовал, как закипает кровь, как сводит челюсти от вынужденного молчания, как дрожат лапы от желания мчаться вперёд, как его наполняет свирепость. В этом месте река была шириной всего-то метров 50. Для него преодолеть это расстояние – пара секунд. Он в нетерпении оглянулся на пограничников. Ну дайте же команду! Без неё никак нельзя. Иначе подве-

дёт и новых товарищей, и опозорит юного хозяина, который столько времени потратил на его обучение. Хорошо Альме. Она служебная собака, с младенчества приучена к выдержке. А он в младенчестве картофельные очистки по помойкам собирал и выдерживать научился разве что голод. И если бы мама Лина его однажды не подобрала, он бы вырос злобным псом. Таким, каким ощущал себя сейчас.

За первой парой солдат последовала вторая, потом третья, четвёртая, пятая. Дальше Мартин считать не умел. Да ему и необязательно, имея в друзьях таких образованных котов, как Брысь и Савельич. Они тебе и посчитают, что надо, и книжки почитают. Уж лучше бы скорее в бой! Зачем считать врагов, если скоро от них ничего не останется.

Неприятель приближался, с опаской вглядываясь в искорёженные от миномётного и пулемётного огня заросли и вздыбленную от взрывов землю.

– Ну, пошли плясать в субботу, в понедельник – на работу, – прошептал Неделя и приказал: – На месте не сидим, постоянно передвигаемся, вон наши «гости» сколько подарков навалили, за такими кучами слонов можно прятать.

И, слегка приподнявшись над укрытием из веток, швырнул гранату. То же самое проделали остальные и рассредоточились, так что ответный огонь пришёлся по опустевшему месту.

– Берегите себя, наши зубы пригодятся, когда у пограничников не останется патронов, – строго посмотрев на Марти-

на и Альму, напутствовала Дина. Она словно чуяла заранее, куда именно упадёт снаряд, и передвигалась короткими перебежками, то замирая, то молнией бросаясь к следующему укрытию из земли, веток и корней. Так же искусно вёл себя и пёс Верный. За долгую службу ему пришлось не один раз бывать в столкновениях с диверсантами. Не обученных пограничному делу новичков он воспринял снисходительно, даже немного жалостливо. Особенно красавицу Альму. Мартину же втайне позавидовал – и как умудрился беспородный пёс обзавестись такой мощью?

Река перестала отражать небо, окрасившись кровью раненых и убитых, пузырясь от пуль, взметаясь фонтанами от взрывов, заглушающих крики людей. Потом опять наступила тишина. Мартин подумал, что он оглох, но оказалось, что закончился бой. Враг отошёл – зализывать раны на «своём» берегу, оставив примерно половину солдат лежать на песке и камнях под перекатывающейся через них водой…

Краткие комментарии для любознательных

22 июня 1941 года было воскресным днём.

Пулемёт системы Максима (или просто «максим») – станковый пулемёт, разработанный британским оружейником американского происхождения Хайремом Стивенсом Максимом в 1883 году. Пулемёт Максима стал одним из родоначальников автоматического оружия, средний темп стрельбы – 600 выстрелов в минуту (в зависимости от версий варьируется от 450 до 1000), дальность стрельбы – до 1000 м (некоторые модификации – до 2000 м).

Сталин Иосиф Виссарионович (1879 – 1953) – с 21 января 1924 по 5 марта 1953 года – руководитель СССР. Маршал Советского Союза (1943). Генералиссимус Советского Союза (1945). На XX съезде Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) стиль его правления был признан «культом личности» (доклад Н. С. Хрущёва). Положительным итогом правления Сталина было превращение Советского Союза из экономически отсталой страны (после разрухи, вызванной Первой мировой войной, революционными потрясениями 1917 года, Гражданской войной 1918—1921 гг.) до уровня второй индустриально развитой державы мира, что наряду с беспримерным героизмом советских людей помогло выиграть Великую Отечественную войну. Из от-

рицательных моментов наиболее тяжёлые – массовые репрессии и депортации (переселение с национальных территорий) целых народов и этнических групп (калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, турок-месхетинцев, немцев, корейцев и многих-многих других).

Адольф Гитлер (1889 – 1945) – основоположник и центральная фигура национал-социализма, основатель тоталитарной диктатуры Третьего рейха, глава Национал-социалистической немецкой рабочей партии (1921—1945), рейхсканцлер (1933—1945) и фюрер (вождь – нем.) (1934—1945) Германии, верховный главнокомандующий вооружёнными силами Германии (с 19 декабря 1941 г.) во Второй мировой войне. С его именем связаны многочисленные преступления против человечества, совершённые нацистским режимом как в самой Германии, так и на оккупированных ею территориях, включая Холокост (истребление еврейского населения). Международный военный трибунал признал преступными созданные Гитлером организации (СС, Службу безопасности (СД) и гестапо), а также само руководство нацистской партии.

Глава 12. Первые потери

Среди пограничников тоже были невосполнимые потери: накрыло взрывом и похоронило в одной братской могиле пулемётный расчёт – младшего сержанта и его второго номера, с ними погиб и пёс Верный, до конца оправдавший своё имя…

Несколько мгновений Неделя и Николай растерянно смотрели друг на друга, им ещё не приходилось видеть смерть своих товарищей, своих ровесников… Однако обязанности командира быстро привели Неделю в чувство.

– Коля, надо пополнить запасы, патронов совсем не осталось. Давай, пока немцы не очухались.

Мартин, Альма и Дина, подавленные гибелью пограничников и Верного, сначала не поняли, что означало «давай». Но Николай сообразил и пополз по мелководью к ближайшему неприятельскому солдату, до которого было не больше десяти метров, а затем к следующему… Неделя напряжённо оглядывал в бинокль вражеский берег.

Добыча составила: четыре пятизарядных винтовки, две запасные обоймы и один автомат с полным магазином – его владелец не успел сделать ни одного выстрела.

– Там у них у всех ранцы. Наверняка и сухой паёк есть, и много другой полезной всячины. Может, ещё сгонять? – предложил Николай, воодушевлённый удачной вылазкой.

– Нет, Коля, – покачал головой Неделя, – не будем испытывать судьбу. Отдыхай. – Он обернулся на собак. Они лежали, пристроив головы на передние лапы и не сводя с него внимательных умных глаз.

Неделя посмотрел на часы – девять. Уже пять полных оборотов совершили стрелки с того момента, как началась война… Сержант прислушался. Застава ожесточённо оборонялась. Не знали пограничники, что в планах Гитлера на их уничтожение отводилось всего тридцать минут.

– А хорошо мы им наподдали, – не успокаивался Николай. – Почти полвзвода положили. Интересно, хватит им или опять тут полезут?

– Кто его знает, сколько у них там взводов… – пожал плечами Неделя, не опуская бинокль. – Пока против нас было два миномёта, пулемётов от силы четыре. Да и автоматов звучало негусто. В основном винтовки.

– У тебя что, музыкальный слух? – удивился Николай.

– Пять лет по классу аккордеона, – словно вспомнив что-то очень хорошее, широко улыбнулся Неделя, отчего его лицо ещё больше округлилось, а на румяных щеках появились ямочки. – На скрипку агитировали, мол, слух у меня абсолютный, но батя сказал, что к моей внешности аккордеон больше подходит.

С противоположного берега помахали белым флагом с красным медицинским крестом.

– Своих хотят забрать, – догадался Неделя. – Просят

не стрелять.

– Просят – уважим, мы не звери. Трофеи только жалко, – вздохнул Николай.

Пограничники понаблюдали, как неприятельские солдаты уносят раненых и убитых, и стали готовиться к новому сражению: пересчитывать немногочисленные патроны и прикидывать, на сколько минут боя их хватит. И хватит ли этих минут, чтобы окончательно отбить у противника охоту «не зная броду, соваться в воду». Сержант изменил своей привычке и не вставил в поговорку какой-нибудь день недели. Николай подумал, что это плохая примета, но вслух ничего не сказал. Решил, что командир, так же как и он, и без всяких примет знает, что предстоящий бой станет для них последним…

– Вспомнила, – Альма повернула голову и посмотрела на Мартина, который, беря пример с Дины, не отрываясь следил за людьми в серо-зелёной форме, при этом губы его подрагивали, то и дело открывая огромные клыки. – Это были цирковые.

– Что? – Мартин с трудом вырвался из своих фантазий, где он уже расправился со всеми врагами.

– Ну те, которых ты услышал, помнишь? Со стороны дальнего поля.

Дина бросила на «новеньких» строгий взгляд:

– Не отвлекайтесь!

Мартин и Альма опять уставились на противоположный берег. Противник укрылся за густо растущими ивами,

но тёплый летний ветерок доносил обрывки разговоров.

– Эх, жалко Брыся с нами нет, – посетовал Мартин. – Он бы перевёл, о чём враги говорят.

В глазах Дины отразилось удивление, и пёс объяснил:

– Брысь – это наш с Альмой приятель, он разными языками владеет.

– А почему его зовут как кота?

– Он и есть кот, – немного смущённо ответил Мартин и, опережая вопрос серьёзной пограничной собаки насчёт их странной дружбы с представителем кошачьего племени, поторопился уточнить: – Мне хозяева поручили за ним присматривать. Только он дома остался, а я, а мы…

– Тихо, – вдруг шикнула на него Альма, но не потому, что была недовольна болтливостью друга, а потому, что почуяла присутствие чужих.

Дина и Мартин тоже повели носами.

– В подсолнухах прячутся, – прошептала Дина.

Альма узнала запах – совсем недавно он наполнял армейскую палатку, где ей довелось увидеть кусочек циркового представления.

– Я сейчас вернусь, – пообещала она и осторожно, чтобы не шелохнулась ни одна веточка в зарослях, дающих пограничникам укрытие, поползла в сторону поля.

Краткие комментарии для любознательных

Погранвойска НКВД (Народного комиссариата внутренних дел): общая численность к началу Великой Отечественной войны составляла 170 тыс. человек. Погранзаставы в июне 1941 года были штатной численностью от 42 до 64 человек. Комсостав: начальник заставы, его заместитель, старшина заставы и командиры отделений (в основном старшие сержанты и сержанты). У каждого бойца имелась пятизарядная винтовка образца 1891/1930 гг., патронов калибра 7,62 по 200 шт. на винтовку, по 4 шт. ручных гранат РГД; на заставе: 3—4 ручных пулемёта с патронами по 1600 шт. на пулемёт, 1—2 станковых пулемёта с патронами по 2400 шт., 10 противотанковых гранат.

Западные границы СССР охранялись 660 пограничными заставами. Согласно немецкому плану по молниеносному захвату страны на их уничтожение отводилось в среднем 30 минут. Но уже в первые часы Великой Отечественной войны солдаты вермахта осознали, что предстоящая война будет сильно отличаться от захвата Европы. Советские пограничники героически сражались в буквальном смысле до последней капли крови, ни один из них не отступил. В плен попадали только тяжело раненными или контуженными. 250 пограничных застав продержались до 24 часов;

16 застав оборонялись двое суток; 20 застав – трое суток; 43 заставы – пять суток; 67 пограничных застав задержали противника до 2-х недель; 51 застава – более двух недель. И, наконец, 50 опорных пунктов на границе держали оборону более двух месяцев.

Глава 13. Цирковые

…Они всегда боялись грозы. Хотя должны были бы привыкнуть к раскатам грома и ярким вспышкам молний, так как во время гастролей часто ночевали в палатке в открытом поле. Альф и Рол, предчувствуя непогоду, прятались под одеялом, а Юв и Гал прижимались к Валентине по бокам, дрожа всем телом и рассчитывая, что любимая хозяйка, она же дрессировщица, сможет укротить и грозу. Иногда так и происходило. Посверкает-побабахает где-нибудь на горизонте, а до них не дойдёт. Но чаще всего Валентине не удавалось справиться со столь мощным и непослушным зверем, и тогда он бушевал совсем рядом, обрушивая на палатку ливень и норовя сорвать её с креплений ураганным ветром.

В этот раз всё вышло значительно хуже и страшнее. И самое ужасное – их некому было защитить, так как Люди сами испугались до смерти. Тонкие, артистичные натуры королевских пуделей, привыкших к всеобщей любви и аплодисментам, не выдержали испытания, и вслед за Бахтаром, взвившимся на дыбы и помчавшимся прочь от хозяина, Юв и Гал бросились бежать. Тёмный густой ельник показался им ненадёжным укрытием, так как выглядел мрачным и даже жутковатым, и братья – не только по цирковой арене, но и по крови – не сговариваясь кинулись в другую сторону, туда, где подсолнухи тянули к небу свои жёлтые головы. Цветки ещё

надеялись увидеть солнце, поворачивали круглые лица к востоку, где оно обычно вставало, золотое, румяное, готовое обогреть и приласкать весь мир, и куда сейчас со зловещим гулом летели железные птицы-исполины с крестами на крыльях…

Юв и Гал неслись так быстро, как никогда в жизни не бегали и не предполагали, что их белоснежные лапы способны на такое. Но всё равно слышали, что их преследуют и вот-вот догонят. Вдруг земля содрогнулась, раз-второй-третий, заставляя подсолнухи ронять лепестки… Воздух наполнился жутким воем и свистом, и пудели в отчаянии замерли, прижавшись друг к другу, не зная, куда бежать дальше, где искать спасения. Те, что мчались за ними по пятам, теперь их настигли и с разбегу воткнулись им между лап. Горячие, чёрные, лохматые. Альф и Рол, их верные друзья и партнёры по номеру! Радость встречи ненадолго осветила мрак, в который погрузился мир вокруг них, но чувство безысходного ужаса оказалось сильнее и вскоре завладело Валиными питомцами без остатка. Они сбились в чёрно-белую кучу и приготовились умереть. Однако смерть не спешила, подарив несколько минут тишины. Из этой тишины, а точнее, из просвета между толстыми стеблями подсолнухов высунулась овчарка.

– Привет, – буднично поздоровалась она. – Меня зовут Альма. Я была вчера на вашем выступлении. Здорово! – немного покривила она душой, видя, как напуганы цирковые

артисты, и желая их подбодрить.

Её спокойствие подействовало, правда не сразу. Четыре пары глаз, в которых плескался ужас, сначала просто смотрели на неё, никак не реагируя. Альма хотела повторить приветствие, но тут один из пуделей пришёл в себя и промямлил:

– Ювенталий. И Галентин. А котов зовут Альфред и Роланд.

«С ума сойти! Разве запомнишь?!» – мысленно возмутилась Альма. А может, и не мысленно, так как пудель добавил:

– Или кратко: Юв, Гал, Альф и Рол.

– Что-то её долго нет, – волновался Мартин. – Я туда и назад, только посмотрю, всё ли с ней в порядке.

Дина сердито шевельнула ушами.

– Что? – тут же отреагировал Неделя. – Кого-то почуяла? – И ещё более пристально уставился на вражеский берег, хотя глаза уже слезились от напряжения.

Альма вернулась так же осторожно и тихо, как и отлучалась.

– Там цирковые от своих отбились. Напуганы до смерти.

Мартин с облегчением выдохнул, увидев подругу, а Дина удивлённо округлила глаза, услышав про цирковых.

Неделя опять уловил изменение в «лице» помощницы и спросил:

– Да что случилось? Почему ты так странно себя ведёшь?

Все три собаки одновременно посмотрели в сторону поля, мол, причина кроется там. Но причина не страшная, а так себе…

– Коля, сгоняй незаметненько, глянь, что там… Альму с собой возьми. «Наши» вроде пока не собираются головы на плаху класть. Может, тоже патроны пересчитывают…

Николай по-пластунски, почти так же ловко, как Альма, скрылся в зарослях.

– Ну что там? – спросил Неделя, как только напарник занял своё прежнее место.

– Два белых королевских пуделя и два чёрных пушистых кота.

– Что-о?! – Неделя ожидал услышать что угодно, но этот ответ был слишком экзотичен. Коты – куда ни шло, но белые королевские пудели?!

– Я так думаю, они из цирковой труппы. Вчера ведь в посёлке цирк выступал. Туда ещё начальник заставы с политруком ходили, – высказал соображения Николай.

Неделя про цирк совершенно забыл. Само это слово было из той, мирной, жизни и никак не вязалось с разрывами снарядов и пулемётными очередями, всё ещё доносившимися со стороны их заставы; со вздыбленным, искорёженным берегом, со страшной ямой на том месте, где вели бой младший сержант и его второй номер, где вместе с ними встретил смерть пограничный пёс Верный… «Цирк» … это слово было как глоток свежего воздуха, не испорченного запахом га-

ри и пороха… Неделя вдруг представил, какой ужас должны испытывать животные. Они ведь совсем не понимают, что происходит. Почему вдруг привычный мир так изменился. Животные, любые, – они ведь как дети… А эти ещё и цирковые. В жизни ничего громче аплодисментов не слышали, а тут такое…

– Альма, вот тебе боевое задание – отвести их к хозяевам, артистам, – Неделя говорил непререкаемым, командирским тоном, так что путешественнице во времени не оставалось ничего другого, как выполнять приказ.

«Я быстро», – одними глазами пообещала она Мартину и отправилась знакомым маршрутом.

Краткие комментарии для любознательных

Политрук, или комиссар (фр. *commissaire* – уполномоченный) в формировании войск (сил) – назначенный в подразделение, часть, соединение, объединение специальный представитель политического руководства государства (либо правящей партии), осуществляющий политическое наблюдение за военным командованием и личным составом, а также ведущий в формировании политико-просветительскую и воспитательную работу («политработник»). Офицерская должность политического наставника во всех формированиях РККА начиная с роты (батареи, сотни, эскадрильи, пограничной заставы). В ВС СССР имелось воинское звание как «политический руководитель» («политрук») или заместитель командира по политико-просветительской и воспитательной работе («замполит»), а в армиях и выше, как «Член Военного Совета».

Глава 14. Раненый

– Никто не ранен? – спросил отец каким-то чужим сиплым голосом, словно у него болело горло. Андрюшка покрутил головой, внимательно оглядывая своих родных. Кроме ссадин и царапин от колючих еловых ветвей, никаких других ран не было. Если не считать душевных… Сейчас, когда «мессер» улетел, а лес приглушил звуки начавшейся войны, можно было дать волю слезам. И сестра Валя, и мама зарыдали, не сдерживая себя, оплакивая дедушку, дядю Вову, Бахтара и, скорее всего погибших, Валиных питомцев – любимцев всей их цирковой семьи… Андрюшка не плакал, стараясь брать пример с папы и Аслана, но предательская солёная влага щипала глаза и заставляла их слезиться.

– Надо похоронить… – Андрюшкин папа поднялся с земли, на которой все они сидели, обессиленно прижимаясь спинами к стволу старой ели, рухнувшей то ли от преклонного возраста, то ли от сильного ветра и уже совершенно высохшей.

Аслан поднялся вслед за ним.

– Может, лучше дождаться ночи, Леонид? – спросила мужа Тамара, вытирая ладонью слёзы и щуря опухшие от рыданий глаза.

Тот отрицательно мотнул головой:

– Нужно похоронить отца. Отыскать Владимира. Собрать

самые необходимые вещи и двигаться дальше, туда, где наши. Если будем сидеть тут до ночи, то неизвестно, где окажется линия фронта.

Последние слова вызвали новый взрыв слёз у Валентины и мамы, и Андрюшка представил себе, как эта невидимая линия ложится чёрной жирной чертой между вчерашней счастливой жизнью и тем ужасным, что их отныне ждёт… Перед глазами опять встала картина недавнего воздушного боя. Крошечный «ишачок» против могучего вражеского «Хейнкеля» … Нет, не может быть! Его страна – самая большая, Красная Армия – самая сильная, воины – самые храбрые! Скоро враг получит достойный отпор! Нужно просто чуть-чуть потерпеть, набраться мужества, а лучше всего – тоже стать воинами, им всем! Ну, пожалуй, кроме сестры и мамы. Но папа, он и Аслан обязательно должны добыть себе оружие и сражаться! Как там поётся в песне:

…Полетит самолёт, застрочит пулемёт,
Загрохочут могучие танки,
И линкоры пойдут, и пехота пойдёт,
И помчатся лихие тачанки…

– Андрюшка, ты остаёшься за старшего, – отец положил ему на голову тяжёлую руку. – Береги маму и сестру. Если до темноты мы не вернёмся…

– Нет-нет-нет, – перебила мужа Тамара. – Никаких «если»! Даже произносить не смей! – И опять судорожно всхлипнула: – Попрощайтесь за нас с Артуром Бенедикто-

вичем и Бахтаром. – Она перекрестила мужчин (как делала раньше только перед их выступлением, и то тайком) и с надеждой добавила: – Может, Володя в палатку вернулся?.. И дети?.. – «Детьми» в их труппе называли Юва, Гала, Альфа и Рола – так было короче и сразу понятно, о ком речь.

Леонид молча кивнул. Ему хотелось прижать жену и сына с дочкой к сердцу, обнять изо всех своих богатырских сил, защитить от пришедшего на их землю зла, но он боялся, что такое прощание будет очень похоже на последнее, а ему нужно вселять в своих родных уверенность и спокойствие.

Заплаканная Валентина ловила взгляд Аслана, однако джигит казался сейчас особенно неприступным, далёким, суровым… Видимо, сердцем и душой он был пока со своим четвероногим другом, лежащим там, в поле, среди срезанных пулемётными очередями и залитых его кровью ромашек…

***

Цирковые животные сидели, всё так же сбившись в чёрно-белую кучу, резко выделяясь на фоне зелёных стеблей и листьев подсолнухов. При виде знакомой овчарки они с облегчением перевели дух: их не бросили, им помогут вернуться к хозяевам!

Над рекой раздался свист, и Альма, уже натренированным ухом, определила, что противник возобновил миномётный обстрел берега, а значит, скоро начнётся бой и нуж-

но быстрее выполнить приказ и занять своё место рядом с Мартином, Диной и пограничниками. Она рванулась вперёд по оставленному цирковыми артистами следу, недоумевая, как те умудрились заблудиться. Юв, Гал, Альф и Рол помчались за овчаркой, обгоняя друг друга, боясь отстать.

Стройные ряды подсолнухов внезапно закончились у кромки ромашкового поля, за которым высились тёмно-зелёные ели. Их лохматые макушки упирались в небосвод удивительной голубизны. Картина была настолько живописной, что Альма невольно замедлила бег. Однако полюбоваться открывшимся видом не получилось: цирковые жалобно заскулили и замяукали, и в глаза Альме бросились останки грузовика и палатки, явно побывавших под обстрелом. Грубое напоминание о войне рассеяло чары природы-волшебницы. Стали видны и другие следы варварского вмешательства в созданную ей красоту. По этим следам опытная «сыщица» восстановила события, которые происходили тут несколько часов назад: здесь, где примяты полевые цветы и трава, Люди долго стояли (наверное, они тоже видели подвиг отважного лётчика); вот они стали беспорядочно метаться, спасаясь от пуль, сыпавшихся на них сверху; вот, почти у самого леса, холм свежей земли, где нашёл своё последнее пристанище кто-то из артистов, а вот здесь – ах, бедняга… – смерть настигла красавца-жеребца. Около него Альма задержалась, с жалостью глядя на неподвижное тело, густые, чёрные, невероятно длинные ресницы, из-под которых

уже никогда не блеснут живым светом большие, чуть раскосые глаза… Она словно воочию увидела прощание джигита со своим верным другом: как его руки в последний раз касались ухоженной гривы, как гладили бархатистую кожу, как его слёзы, скатываясь, оставляли на ней длинные тёмные полоски…

Хорошо, что цирковые не пошли следом, а наблюдали издалека, с того места, где стояла палатка, точнее то, что от неё осталось. Люди возвращались сюда. Наверняка искали котов и пуделей, а потом забрали вещи, какие смогли унести с собой, и укрылись в лесу. Догнать их – пара пустяков.

Цирковые доверчиво глядели на неё, и Альме пришлось отказаться от идеи – ткнуть их носами в пахучий след, предложив использовать собственные способности, а самой вернуться на берег, туда, где шёл бой, где был Мартин…

Внезапно она услышала едва различимый стон. Он доносился оттуда, где в поле, нарушая его плавные очертания, врезался огород, окружённый «забором» из тонких, горизонтально положенных на опоры и почерневших от времени жердей, по две в каждой секции – скорее обозначал территорию, чем служил для защиты от воров или диких животных. Повернув голову в том направлении, Альма сразу почуяла человека, по всей видимости серьёзно раненного, так как в ноздри вторгся густой солоноватый запах крови. Приблизившись, «сыщица» увидела молодого мужчину. Его руки безвольно лежали вдоль тела, а лицо казалось белее рома-

шек, склонившихся над ним. На человеке не было фиолетового плаща с блёстками и голубого трико, но этого и не требовалось – овчарка узнала того, кто вчера стрекотал кинокамерой над её ухом, снимая цирковое представление. Ящичек с камерой и коробка, вероятно с отснятыми плёнками, стояли рядом в траве – видимо, циркач так дорожил ими, что не расстался и в момент смертельной опасности. Правое бедро мужчины, прямо поверх штанины, было обмотано красной тряпкой. Альма сообразила, что первоначально тряпка была белой, оторванной от края рубашки. Человек находился без сознания – на самодельную повязку ушли его последние силы.

– Дядя Вольдемар! – одновременно воскликнули подоспевшие Юв, Гал, Альф и Рол, но подойти ближе побоялись, слишком непривычно выглядел тот, кого они считали весёлым и добрым волшебником. Только он умел извлекать вкусные косточки из уха Юва, а то из-под хвоста Гала, каждый раз заставляя пуделей долго и тщательно обнюхивать места, где хранился сюрприз, и удивляться, как это они не обнаружили его раньше. Альф и Рол тоже обожали дядюшкины фокусы, хотя он часто подшучивал над ними и в результате его волшебных манипуляций банты, которые красовались на котах в завершение их номера «Белое и чёрное», за кулисами оказывались не на шейках, а на кончиках хвостов, стоило Альфу и Ролу очутиться поблизости от дяди Вольдемара.

Альма не удержалась от вопроса:

– Почему вас всех так сложно зовут?

Юв объяснил, что звучные имена – это традиция, чтобы на афише красиво смотрелось и во время представления эффектно произносилось. И, думая, что новая знакомая специально уводит разговор в сторону, не желая сообщать страшное известие, боязливо спросил:

– Он умер?

– Нет, – уверенно ответила Альма. – Он просто без сознания.

Гал осторожно приблизился к раненому и, чуть помедлив, лизнул его в лицо. Раньше этого хватало, чтобы разбудить любого из членов их семьи, как бы крепко они ни спали. В этот раз ничего не произошло: дядя Вольдемар по-прежнему не шевелился.

– Откуда ты знаешь, что он просто без сознания? – расстроившись, что излюбленный собачий способ не помог, поинтересовался пудель.

– У меня имеется опыт общения с тем, кто постоянно лишается чувств, – ответила «сыщица», вспомнив, как закатываются рубиновые глазки питомца юного химика, а упитанное зеленоватое тельце опрокидывается навзничь.

– Вашему дяде Вольдемару срочно требуется помощь, – констатировала она.

В дальнем конце огорода, почти у стены дома, такого же тёмного, как и забор, Альма увидела пожилую женщину, склонившуюся над грядкой. Ловкими, почти неуловимыми

движениями рук та выпалывала сорняки. В первое мгновение овчарка даже подумала, что снова переместилась во времени и нет никакой войны. Однако затем она расслышала, как женщина тихо причитает на каком-то мягком, певучем наречии: «Ах ты мой божечка, вось бяда!», а сама всё дёргает и дёргает только ей видимую траву. «Наверное, пытается успокоить нервы через наведение порядка, моя хозяйка тоже так делает», – решила Альма.

Она негромко заскулила, чтобы привлечь внимание и в то же время не напугать женщину видом незнакомой собаки. Та обернулась, потом с тяжёлым вздохом поднялась и подошла к изгороди.

– І што ты скуголіш? Чаго табе трэба? *(И что ты скулишь? Чего тебе нужно? – белорус. – здесь и далее перевод автора)* – голос селянки звучал сердечно. – Вашых ўсіх вывозяць адсюль далей *(Ваших всех вывозят подальше отсюда)*, – добавила она, разглядев на шее Альмы кожаный ошейник. – Ці ты з мяжы? Вось бяда *(Или ты с границы? Вот беда)*, – горько вздохнула она.

Альма не поняла ни словечка и, не спуская глаз с женщины, продолжала призывно поскуливать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.